

ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Виолетта
ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ,

лауреат премии
Ленинского комсомола
Литовской ССР

ЛЕГЕНДА О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Ноябрьское утро.
А в небе над нами
Алая птица
Машет крылами.

На улицах люди
Дивятся, толкуют:
— Мы сроду не видели
Птицу такую!

— А это не птица!
Смотрите скорее —
Там, в облачном небе,
Тюльпан пламенеет!

Спускайся, спускайся
На землю родную!
И в праздник тебя
На грудь приколю я.

На улицах — видишь? —
Плакаты и стяги,
Гирлянды из лампочек,
Красные флаги.

* *
*

Не птица-журавлик,
Не красный цветок —
Над городом
Красный галстук
Цветет!

Плывет над домами,
Над нашею школой,
Летит над толпою,
Нарядной, веселой...

Мальчишеский голос
Слышен над нами:
— Я тоже частица
Красного знамени!
Носили меня
Молодые герои,
И я орошен
Их горячею кровью...
Пусть в школы свои
Не вернулись ребята,
Но сны я храню
И мечты их
Крылатые!

Пускай я не птица,
Но смелой мечтою,
Как птица, парю я
Над нашей землею.

Великий ваш праздник
Я праздную с вами:
Я тоже частица
Красного знамени!

Перевел с литовского
Георгий ГЕРАСИМОВ.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Рисунок
В. КОСТИЦЫНА.

МИР—ЭТО СЧАСТЬЕ

Октябрь.
Революция.
Мир.

История поставила эти слова рядом. В том же самом зале Смольного, где была провозглашена власть Советов, впервые прозвучали и строки ленинского Декрета о мире. От этого ленинского Декрета берет начало неустанная борьба нашего государства, нашей Коммунистической партии за мир во всем мире.

«Мир — это счастье детей, счастье всех людей, — сказал Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к артековцам. — **Без мира нет детства. Нет будущего».** Вот почему нет сегодня дела важнее, чем борьба за мир.

Недавно мне довелось принимать участие во франко-советской встрече, посвященной проблемам разоружения. Встреча эта проходила в Париже и была организована обществом «Франция — СССР». Ее участниками стали известные общественные деятели Франции, политики, журналисты, отставные генералы, в годы войны храбро сражавшиеся против фашизма. В советской делегации были видные ученые — экономисты, военные историки, юристы.

Два дня длилась эта встреча. Два дня в зале заседаний парижского отеля звучала русская и французская речь. Два дня напряженно трудились переводчики.

Очень разные люди выступали на этой встрече. Молодые и старые. Те, кто бывал в огне сражений, и те, кто никогда не видел войны. Но в голосах этих очень разных людей звучала одна и та же тревога.

«Задумайтесь, — говорили они, — **уже сегодня на каждого жителя Земли, на каждого человека в нашем мире приходится по пятнадцать тонн взрывчатки — тринитротолуола!»**

«Задумайтесь, — говорили они, — **во всем мире сейчас тратится на вооружение столько денег, столько золота, что этим золотом можно опоясать земной шар, причем пояс этот окажет-**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

ся толщиной в восемь метров и шириной в десять километров!»

«Задумайтесь, — говорили они, — **на земном шаре сегодня накоплено столько ядерных зарядов, что их мощность равна одному миллиону тремстам пятидесяти тысячам атомных бомб! А ведь всего одна бомба, сброшенная в 1945 году американцами, полностью уничтожила японский город Хиросиму».**

«Задумайтесь, — говорили они, — **если бы удалось сократить расходы на вооружение всего на один процент — только на один процент! — на эти средства можно было бы накормить двести миллионов голодающих детей Африки, Латинской Америки, Азии!»**

Цифры эти потрясают.

Но, конечно же, вовсе не для того только, чтобы высказать свою тревогу, собрались в Париже участники этого совещания. Шел разговор о том, как еще успешнее бороться за мир и разоружение, как укрепить дух разрядки, как преодолеть яростное сопротивление тех, кто наживается на гонке вооружений. Право на мир, на мирную жизнь, на жизнь без войны — это неотъемлемое и самое насущное право каждого человека, говорили участники встречи.

Я слушал взволнованные, яркие выступления и испытывал глубокую гордость за нашу Советскую Страну. Ведь эта встреча, участником которой мне довелось стать, была лишь малой каплей, малой составной частицей той постоянной, упорной и неутомимой борьбы за разоружение, за мирное будущее всего человечества, которую, следуя ленинским заветам, ведет наше государство, наш народ, наша партия во главе с выдающимся борцом за дело мира — Леонидом Ильичом Брежневым.

Мы знаем: нет сегодня такой международной конференции, такого международного совещания, посвященного разоружению, сокращению вооружений, в котором бы не принимал самого энергичного участия Советский Союз, нет таких усилий, направленных на укрепление мира, которых не поддерживал бы Советский Союз.

Мир нужен всем людям, всем народам, всему человечеству.

О том, что несет народам война, неустанно, изо дня в день напоминают колокола Хатыни и пепел Хиросимы.

Хиросима... Я был в Японии. Но попасть в Хиросиму мне не пришлось. Дважды японский самолет, на котором мы, туристы, летели в Хиросиму, поднимался в воздух, приближался к городу и дважды возвращался назад, на аэродром в Осаку.

Аэропорт Хиросимы не принимал. Хиросима лежала где-то далеко внизу, плотно окутанная низкими, тревожно клубящимися облаками. Казалось, город, навсегда запомнив тот страшный день, когда над ним появился американский бомбардировщик с атомной бомбой на борту, теперь таился от самолетов, страшился приближающегося, нарастающего самолетного гула и прятался, замирал, невидимый, там, внизу.

Я так и не увидел Хиросиму, но это ощущение — ощущение тревожно затаившегося, словно бы навечно укрывшегося облаками города я увез с собой. Оно не забудется.

А вскоре после возвращения из Японии я побывал в одном из новых городов Ленинградской области — Сосновом Бору, где в то время строилась Ленинградская атомная электростанция.

Я осматривал огромную стройку, бродил по чистым, промытым свежим морским воздухом кварталам нового города, стоял на берегу прозрачного залива.

Особое чувство испытывал я в тот день. Нет, даже не размах этой стройки, не небывалая еще мощность атомных энергоблоков поразили меня тогда. Меня поразило соседство могучих атомных реакторов и детских сказочных городков, веселых, полувзаправдашних-полуигрушечных крепостных стен и башен. Эти сказочные городки выросли среди сосен и были построены с такой любовью и выдумкой, что невольно казалось: здесь не обошлось без добрых волшебников, без их заботливых и умных рук.

В этом соседстве укрощенной, прирученной, призванной служить человеку грозной силы — атомной энергии — и счастливого детского смеха, радостной, самозабвенной ребячьей игры было нечто жизнеутверждающее: я как бы воочию увидел торжество разума, добра и света над силами зла и жестокого, алчного безумия.

Как-то одна девочка, третьеклассница, моя читательница, прислала мне письмо, где были такие слова: «У меня есть много главных желаний, но среди них самое-самое главное — чтобы никогда не было войны, чтобы всегда был мир».

Да, верно. У каждого из нас наверняка есть немало желаний, планов и надежд, но вместе с тем есть и одно — главное, присущее нам всем: пусть никогда не будет войны! Пусть всегда будет мир!

И это не пассивная жажда мира, не только наше желание и надежда, это прежде всего упорный и настойчивый труд во имя мира, упорная и постоянная борьба за мир. Потому что мы живем в такой стране, где борьба за мир — это и личное кровное дело каждого человека и государственная политика, определенная Программой Мира нашей ленинской партии.

II ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЁТ ТИМУРОВЦЕВ

ЧЕРКАССЫ, КАНЕВ, ЛЕПЛЯВА...

РАССКАЗ О ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЛЕТЕ ТИМУРОВЦЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Тимуровцы салютуют флагу слета.

...Мы возвращаемся домой. Над горизонтом висит красный диск солнца, опускаются сумерки, а прохожие по-прежнему, как и утром, приветливо машут нашим автобусам.

Делегаты Второго Всесоюзного слета тимуровцев возвращаются в пионерский лагерь «Свитанок», лагерь в сосновом лесу, неподалеку от Черкасс.

Кончается еще один день слета — день, в котором уместилось столько событий, столько встреч... Дел много было у всех — у делегатов и руководителей тимуровских объединений, у отрядных вожатых и членов Всесоюзного штаба Тимура и у нас, журналистов. А вечер выдался спокойный, без шумной, деловой суматохи. И ребятам и взрослым хотелось поговорить по душам: рассказать о себе, о своей работе, обсудить сделанное, предложить новое.

...Чуть отойдешь вечером от спального корпуса, смутно белеющего в темноте, — и уже боишься заблудиться. В этот вечер не боялись — повсюду сквозь деревья мерцали нам пионерские костры. И мы пошли к этим кострам. Достали блокноты и стали слушать.

Костер первый

У этого костра вместе с ребятами сидели люди, которых мы зовем привычным словом «ветераны». Каждый такой человек — это большая судьба. И в чистом, твердом кристалле такой судьбы отражается судьба страны. Удивительно верно отражается. Удивительно точно.

Затаив дыхание, слушали ребята рассказы о войне, о подвигах, о самых трудных и славных годах нашей истории. Особенно всем запомнился рассказ Виктора Трофимовича Котренко — фрезеровщика черкасского завода «Фотоприбор».

— Я думаю, что тимуровское движение должно было возникнуть именно в нашей стране, потому что его принципы — это прямое продолжение главных законов нашей жизни. Законов гуманизма, бескорыстия, человечности. И нет ничего удивительного в том, что дети в самое тяжелое, трудное для страны время решили помогать взрослым во всем, поняли, что без этого их жизнь будет немыслима.

Помогать друг другу — один из главных законов нашего социалистического общежития. Этот закон красной нитью прошел и через мою жизнь тоже.

Мы, мальчишки военных лет, кусали губы от обиды, что нас не взяли на фронт. Найти свое место в общей борьбе нам помог Аркадий Гайдар. «Тимур и его команда» была одной из первых книг, которую я прочитал. Мы тоже помогали, чем могли, семьям красноармейцев, кололи дрова и таскали воду старикам и инвалидам. И наравне со взрослыми работали в колхозе.

Особенно запомнилась мне уборочная страда 1949 года. Уже окончилась война, но с продовольствием в стране было трудновато. Сорок седьмой и сорок восьмой годы были неурожайными. Но вот в 1949 году колосья налились зерном на славу. Как убрать без потерь этот обильный урожай? Нет, нас никто не звал на подмогу, мы сами вышли на поля вместе со взрослыми. Нам доверили конные жатки (тогда комбайнов у нас почти не было). И потом, когда урожай был собран, мы очень гордились тем, что в этой победе есть доля и нашего труда.

Уже шестнадцать лет я работаю фрезеровщиком на заводе. Работаю со сложнейшей техникой, выполняю очень трудные задания. И на большом современном предприятии я опять ежедневно сталкиваюсь с главным законом нашей жизни. Когда только начинал, не находилось человека, который отказал бы мне, безусому, в помощи и совете. Теперь и я беру «под крыло» ребят-«петеушников», вступающих в рабочую жизнь.

— А за что вы получили ваши награды, Виктор Трофимович?

Он помолчал немного и ответил кратко:

— Как и все, за хорошую работу.

И, наверное, каждому в этот момент захотелось, чтобы через много лет он смог бы ответить так же...

Костер второй

Как бороться с квакинцами? Ребят, которые приехали на слет, этот вопрос очень

волновал. И у костра разговор шел именно об этом.

Но сначала мы решили выяснить: а кто же такие квакинцы? Ведь зачастую их путают с обычными двоечниками. А борются с ними так: вызывают на совет отряда или дружины, прорабатывают («с песочком», как сказа-

Тимуровский костер.

«Экспедиция «У нас во дворе». Всем! Всем! Всем!» Для чего придумали ребята эту экспедицию? Чтобы знать как следует свой двор, улицу, микрорайон. Знать людей, историю домов и улиц, экономику района, его географию.

Например, операция «Музей — дома». В любом доме наверняка есть коллекционеры. Живут они, как правило, жизнью замкнутой, обособленной, общаются в основном друг с другом: меняются, смотрят коллекции. А как было бы здорово, если б тайники раскрылись!

В экспедиции найдется дело для каждого, и если организовать ее по-настоящему, она сможет объединить всех ребят двора. Будет ли это борьба с квакинцами? Будет.

А вот что рассказал **Игорь Лысенко из города Горловки, Донецкой области.** Несколько лет у них при Доме пионеров существует клуб имени Макаренко. Ребята из клуба организуют и сами ведут при жэках кружки. Какие? Все зависит от того, что ребята умеют, на что они способны. Сейчас есть изокружок, кукольный театр, кружок бального танца, спортивные секции. Появятся музыканты — будет оркестр, появится хороший поэт — будет литературная студия.

Организуя свой клуб, ребята ставили перед собой четкую цель — помочь человеку, приходящему в клуб, стать лучше.

Игорь Лысенко рассказывал нам о таких ребятах. О том, как они менялись месяц за месяцем, год за годом, менялись их взгляды, манера поведения, убеждения. Вопрос: «В чем причина успеха, Игорь?» «По-моему, в самоуправлении. Мы все делаем сами. Эта самостоятельность, независимость, которой часто нам не хватает в школе, рождает уважение друг к другу, понимание. Мы не боимся откровенных разговоров, можем спокойно, совершенно открыто говорить друг о друге. Можем говорить о

Канев. В библиотеке-музее А. П. Гайдара.

ла одна девочка) и... И все.

Но, по Гайдару, квакинцы это совсем не обязательно двоечники. Фигура вполне мог быть и четверочником, а Гейка — не вылезать из троек, ведь оценками характер человека не измеришь.

Квакинцы — это люди, которые действуют почти так же организованно, как тимуровцы, но только цель у них совсем иная: не укреплять порядок, а нарушать его, не помогать, а вредить. Значит, и бороться с ними надо организованно. Но как?

Таня Калищук, школа № 57 города Киева: «С квакинцами нужно бороться не кулаками. Сейчас борьба с ними — это борьба убеждений».

Костя Григорьев, школа № 24 города Иркутска: «По-моему, с такими ребятами нужно прежде всего подружиться».

В самом деле, подумали мы: если подружиться, то и поговорить можно откровенно, чтобы человек тебе поверил, понял тебя, стал уважать.

Но чтобы подружиться, надо к человеку приглядеться, найти с ним общий язык, общие интересы. Не остановишь же его на улице с вопросом: «Ты случайно не квакинец? Можно тебя на минутку?»

Нашлись у костра ребята и взрослые, которые уже накопили немалый опыт в борьбе с квакинцами. Им слово.

Руководитель клуба «Тимуровец» при Самаркандском областном дворце пионеров Эльмира Сеит-Османовна развернула небольшую афишу:

любых недостатках — и человек не обижается».

...Вовлечь трудного (без всяких кавычек), ершистого, неуживчивого, зачастую просто злого человека в тимуровский коллектив, в тимуровскую работу — это борьба, тяжелая и сложная.

Говорит **Таня Голубева из Витебска:**

«При нашем городском штабе есть клуб «Юный дзержинец». Мы организуем секции самбо и бокса в жэках — ребята с удовольствием туда записываются, потому что каждому хочется знать приемы.

А потом... Сам спорт учит совсем другому отношению к жизни, делает человека серьезнее, даже мудрее...»

...После костра каждый из нас подводил итоги этого разговора. Да, не кулачная борьба, а борьба убеждений.

Каждый командир тимуровской команды, каждый отряд, каждый штаб должны подумать над тем, как превратить борьбу с квакинцами в живое, интересное, нужное для всех ребят дело.

Костер третий

У этого костра шел немного необычный разговор. Говорили ребята не о том, как они

Там, где живут ветераны.

Дорога на Канев. Начинается операция «Радость людям».

помогают людям. А о том, как тимуровская работа помогает им самим. Помогает взрослеть, помогает обрести себя.

Наташа Котова, комиссар Витебского городского тимуровского штаба:

«Наш штаб шефствует над республиканским госпиталем инвалидов войны. Когда приходишь в госпиталь, очень ясно понимаешь, как много горя и боли оставляет война после себя. И не просто понимаешь, а острее начинаешь чувствовать, воспринимать чужую беду, чужое страдание».

Кира Автушкова сказала: «В госпитале я подружилась с семьей Ивана Дмитриевича Остапенко. Казалось, война сделала все для того, чтобы отнять у него силы, мужество, волю, желание жить. Лишила рук и зрения. Ему казалось, что впереди — пустота. Но Иван Дмитриевич нашел в себе силы жить, наполнить свою жизнь радостью и трудом...»

Марина Этвеш из села Шегарки Томской области:

«Раньше я смотрела на ребят из тимуровской команды и удивлялась: когда они все успевают, откуда у них только силы берутся! А теперь, когда сама стала тимуровцем, все свои дела стала делать быстрее и лучше и дома больше помогаю... Когда забот прибавляется, жить интереснее.

...В нашем селе живет учительница Раиса Ивановна Кудряшова. Сейчас она уже на пенсии. Когда я первый раз пришла к ней, чтобы помочь, увидела, как изменилось ее лицо, как она обрадовалась мне. И я поняла, какая это радость — помогать людям».

Игорь Якунин, тимуровская команда школы № 17 города Клина Московской области:

«Мы помогаем детскому саду. Читаем малышам книги, чиним игрушки, водим на экскурсии в свою школу, зимой расчищаем участок от снега и лепим всякие забавные фигуры. И еще разговариваем.

Когда приходишь первый раз к ним — знакомиться, — то бывает очень страшно: столько глаз на тебя внимательно смотрят! Нужно, что-

Трудовой десант.

бы малышам было с тобой интересно. И тут мало только играть с ними или показывать концерты, кукольные спектакли... Надо уметь ответить на все вопросы. А это очень сложно. Например, почему нужно учиться в школе? Почему нужно работать? И ответить надо так, чтобы им не было скучно, чтобы они все поняли.

Иногда и сам, разговаривая с ними, начинаешь по-новому думать. Самому становится интересно.

На малышей нельзя обижаться. Хотя иногда очень хочется. Начинаешь на них злиться, а они глаза раскрыли, сидят, смотрят на тебя — и уже всякая злость проходит...»

Костер четвертый

На слете все понимали: Второй Всесоюзный начинает новый этап в работе тимуровцев страны. Вот и на этом костре разговор шел о том, как сделать, чтобы у тимуровцев всегда были новые, интересные, нужные людям дела. Многие ребята почти не поднимали глаз от блокнота. Такой уж разговор получился — только успевай записывать!

Оля Зимина, член тимуровского штаба Хабаровского края:

«По нашему краю проходит БАМ. И мы считаем, что помощь бамовцам — главная наша работа. Собрали пять тысяч книг для детей строителей. А однажды бамовские первоклассники пришли в свои школы и увидели на партах новенькие портфели. В них было все необходимое для учебы: ручки, пеналы, ластики, тетради. Это тоже подарок наших тимуровцев».

Дима Никитин из подмосковного города Щелково:

«Мы помогаем книжному магазину. Распространяем новую литературу. Ходим по домам, рассказываем ребятам о новых книгах, об их авторах, выполняем заказы. Всего за год распространили книг на триста рублей. По-моему, в молодых городах такая помощь очень нужна предприятиям торговли, бытового обслуживания: они только начинают работу».

Ира Нагулина, село Гайдар, Казахстан:

«Наша пионерская почта многим известна. Почта, на которой работают одни ребята и ни одного взрослого. И начальник почты — пятиклассница Лена Буйская.

А ведь такая почта нужна не только нашему селу. Много есть районов, где села и деревни далеко друг от друга. Например, на Украине, в Сибири. Вот и взялись бы тимуровцы за это дело! Государству от этого большая помощь и выгода. Судите сами: за семнадцать лет работы нашей почты мы сэкономили стране пятнадцать тысяч рублей. Продали марок и открыток на сумму 7 тысяч рублей. Разнесли по адресам 670 тысяч экземпляров газет и журналов. Приняли и отправили 100 тысяч писем.

Все знают: главное в тимуровской работе — доброта. Но не все знают, что и такая она, доброта, бывает — исчисляется в рублях и копейках. Государственная доброта».

Андрей Мацаев, г. Светлоград:

«Наш штаб РВС проводит операцию «Ребятам села». Проводим в селах спортивные эстафеты, конкурсы, показываем концерты. Для тех, кто решит перенять наш опыт, могу раскрыть один секрет: недавно мы перешли

на «велосипедный транспорт» в таких рейдах. Раньше ходили пешком и ездили на попутках, сейчас стали гораздо быстрее перебираться из одного села в другое».

Саша Хорошаев из школы № 18 г. Северодвинска:

«Часто бывает так: ребята приходят на уроки, а дома

В этой гильзе священная земля с места гибели Гайдара.

забывают кто ластик, кто ручку, кто тетрадь чистую. Что делать? Времени сбегать в магазин купить новую нет. Мы придумали выход: у нас в школе работает киоск-выручалочка — приходи покупай то, что нужно. Скажете, мелочь, а сколько таких мелочей мешает ребятам и учителям работать? По-моему, стоит над этим подумать».

Закончил наш разговор Фамиль Исмайлов из Сумгаита.

«Самое важное для тимуровской команды, — сказал он, — не замыкаться в себе. Нужно искать контакт со взрослыми, заслужить их доверие — тогда дела пойдут отлично. Я член клуба «Современник», который действует при одном из жэков города. Сначала взрослые не относились к нам серьезно. А вот когда мы организовали игротеку для малышей и родители увидели, какая им польза от нашего клуба, сразу стали относиться к нам по-другому. Сейчас почти все кружки: фото, радио, кройки и шитья, бального танца — ведут у нас в клубе жильцы наших домов. Причем они приходят к нам сами, предлагают свою помощь...»

...Дописана последняя торопливая строчка в блокноте. Теперь стоит подумать над всем сказанным. Пожалуй, главный вывод будет таков: тимуровская доброта должна быть деятельной, активной.

Делегаты голосуют за новые тимуровские дела.

Нужно уметь увидеть в обыденном, спокойном течении жизни тех, кто срочно нуждается в твоей помощи. Нужно уметь не бояться подойти к взрослым, занятым людям и задать им простой вопрос: «Вам не нужна наша помощь?» Нужно чувствовать себя участником самых главных, важных событий в жизни страны, а не пассивным зрителем.

Материалы со слета подготовили наши специальные корреспонденты: С. МАКЕЕВ, А. МАКСИМОВ, Б. МИНАЕВ, С. ФУРИН, начальник Всесоюзного штаба Тимура.

ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА ТИМУРА

Ребята! Закончился Второй Всесоюзный слет тимуровцев. За те шесть лет, которые прошли со времени Первого Всесоюзного слета, сделано многое. Созданы новые тимуровские команды и штабы. Тимуровцы страны провели ряд очень важных и нужных операций. Появились интересные формы работы. Наш слет показал, что тимуровцы семидесятых ни на шаг не отступили от гайдаровских заветов и традиций и внесли в тимуровское движение много нового.

Делегаты Второго Всесоюзного обсудили сделанное и поставили перед собой, своими командами и отрядами, перед всеми тимуровцами новую цель — добиться, чтобы тимуровская работа стала шире и разнообразнее, откликаться на все крупные события в жизни страны активным участием в делах и заботах взрослых.

Ребята! Второй Всесоюзный слет открывает новый этап тимуровского движения. Каким он будет, зависит от вас.

ПОЧЕТНЫЕ ГОСТИ О СЛЕТЕ

И. К. Лутак, первый секретарь Черкасского обкома партии:

«Почти сорок лет назад герой повести Аркадия Петровича Гайдара «Тимур и его команда» шагнул со страниц книги прямо в гущу ребячьей жизни и стал примером для подражания миллионам мальчишек и девчонок в красных галстуках. Герой этой книги дал название патриотическому тимуровскому движению, воспитывающему у юных граждан Страны Советов лучшие черты и моральные качества строителей коммунизма. Учитесь у коммунистов и комсомольцев по-ленински жить, учиться и бороться».

А. А. Деркач, первый заместитель председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина:

«Сегодня тимуровское движение выросло и окрепло. Пять миллионов юных тимуровцев шефствуют над ветеранами войны и труда, открывают имена неизвестных героев, заботятся о малышах. И Ленинский комсомол, советские люди говорят вам, тимуровцы семидесятых годов, большое спасибо!»

Т. А. Гайдар, редактор военного отдела газеты «Правда», капитан первого ранга:

«Тимуровское движение — большая сила, и очень важно, чтобы каждый пионер-ленинец был заботливым другом и верным товарищем».

Богдан Чалый, член Союза писателей СССР:

«Аркадий Гайдар был добрым человеком. Но он никогда не был добреньким, презирал трусов и подхалимов, боролся с тем, что мешает нам жить. Учитесь гайдаровской доброте».

Н. М. Гарцуненко, член штаба Тимура прифронтового Киева:

«Война — грозное время. Мы, тимуровцы военных лет, чем могли, помогали старшим. Вы живете в мирное время, в годы великих строек. И ваш долг — «не путаться под ногами», а быть всюду, где нужны ваши заботливые руки и сердца».

Н. В. Богданов, член Союза писателей СССР:

«Гайдар крепко любил Советскую Родину и отдал жизнь за нее. Гайдар был предан Советской Армии и завещал вам, ребята, дружить с бойцами и командирами, быть, как они, подтянутыми, дисциплинированными, готовыми к труду и обороне СССР».

Б. Н. Камов, член Союза писателей СССР:

«О Гайдаре написано много разных книг. Изучайте жизнь писателя-воина и читайте книги Гайдара. В них вы найдете пример для подражания».

В. А. Береза, директор библиотеки-музея А. П. Гайдара в Каневе:

«Сотни тысяч ребят побывали в нашем музее-библиотеке. Мы рады, что вас интересует все, что связано с Гайдаром. Каждое ваше, пусть маленькое, открытие дополняет биографию писателя. Желаю вам новых удач на путях-дорогах Гайдара».

В. И. Скрыпник, боевой товарищ Гайдара в годы войны:

«Гайдар в самые тревожные для Родины дни внушал уверенность в победе. Он был душой партизанского отряда. Учитесь у Гайдара и героев его книг мужеству и стойкости».

М. В. Смирнова, организатор одной из первых тимуровских команд в г. Москве:

«Наша команда была одной из первых в столице. А сегодня тимуровцев — миллионы. Верится, что с каждым днем будет все больше и больше тимуровских команд и отрядов. В добрый путь, тимуровцы 70-х!»

Черкассы. Площадь В. И. Ленина. Открытие слета.

В 1980 ГОДУ — 110-Я ГОДОВЩИНА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

К тебе обращаются ребята из клуба интернациональной дружбы Московского городского Дворца пионеров и школьников!

«Владимир Ильич Ленин в моей судьбе»

Дорогие друзья!

Вся жизнь нашей страны, каждый день ее трудной и славной истории связан с именем Ленина, основателя первого в мире социалистического государства. Память о Ленине дорога и близка каждому советскому человеку. Все мы с волнением готовимся к торжественной дате — 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича.

Готовится вся страна — взрослые и дети.

Вот уже пятьдесят пять лет пионерская организация носит имя Ленина. Пятьдесят пять лет каждое новое поколение советских пионеров с гордостью произносит: «Я — юный ленинец».

«Обеспечить счастливое детство каждому ребенку — одна из наиболее важных и благородных задач строительства коммунистического общества», — записано в Программе Коммунистической партии Советского Союза. Наша Родина — первая страна мира, в которой забота о детях стала делом всего общества, государственным делом.

Снова и снова в эти дни вчитайся в ленинские строки, вдумайся в его мысли. Они устремлены в века!

В них видна забота о тебе, о твоем сегодняшнем и завтрашнем дне. В самые первые месяцы становления нового государства его основатель, В. И. Ленин, считал заботу о детях и охрану детства одной из главных задач молодой Республики Советов.

А что знают о Владимире Ильиче дети других стран и континентов? Товарищ! Подумай о том, что̀ ты и твои сверстники можете рассказать об этом человеке, о его борьбе и идеях детям разных стран.

В год ленинского юбилея ты, пионер, можешь написать письмо-рассказ о Владимире Ильиче и его соратниках, о первых днях становления нашей социалистической Родины, о нашей жизни, о делах пионерской организации. Расскажи о том, как Ленин впервые вошел в твою жизнь, как ты стал понимать огромное значение этого человека в жизни всех людей Земли.

Рассказы могут быть индивидуальными и коллективными — вы можете написать их всем звеном или отрядом, напишите их на русском или том иностранном языке, который вы изучаете в школе, приложите к письму свои рисунки, фотографии.

Наверное, многие ваши зарубежные сверстники захотят вам ответить, рассказать о своей жизни, о том, как идеи Ленина распространяются по всей планете.

Ждем ваших сообщений в журнал «Пионер».

Городской клуб интернациональной дружбы имени Юрия Гагарина Московского городского Дворца пионеров и школьников.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР

КОНСУЛ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Продолжение. Начало в № 8.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ГЛАВА 16

Кольцо

Хрупкость и легкость этой маленькой женщины не могла скрыть даже мохнатая пообтертая шубка. Женщина вела собаку, вернее, ее вела огромная немецкая овчарка на поводке. Собака плохо слушалась команды, и хозяйка бежала легкими, прыгающими шажками, перелетала через сугробы, и, если бы не поводок, которым она была привязана к мощной овчарке, ветер, казалось, оторвал бы женщину от земли.

На углу сквера, у круглой тумбы, женщина остановилась. Внимание ее привлекла афиша с черным, до боли знакомым силуэтом. Пушкин!.. «Сидеть!» — приказала она овчарке, и на этот раз собака повиновалась. Женщина сдвинула на затылок мохнатую шапку и с изумлением шепотом читала: «В Народном доме 10 февраля 1937 года состоится торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина. Выступают солисты Большого театра Советского Союза Вера Давыдова и Сергей Лемешев. Билеты продаются в кассе».

Советские актеры в Финляндии! Впервые за все эти годы.

— Джулли, домой! — скомандовала хозяйка, и собака послушно повела ее домой.

Женщина отперла ключом дверь в квартиру, помещавшуюся на первом этаже старого двухэтажного дома.

Квартира производила странное впечатление. На кухне главенствовал большой медный, в зеленых пятнах, самовар. На плите стояли черные чугунки, которых в Финляндии и не встретишь. В углу висела икона, и перед ней раскачивалась на потемневших от времени цепочках тяжелая лампада.

Женщина сбросила шубу и шапку, и маленькая, тоненькая, в джемпере и черной юбке походила на мальчика-подростка, если бы не лицо, лицо отцветающей женщины, с обозначившимися морщинами возле рта, с остреньким носом и с темными глазами, в которых, казалось, навсегда погасла трепетная мысль любознательности, интереса к жизни. Она побежала через столовую, уставленную тяжелой старой мебелью красного дерева, в спальню. Распахнула дверцы огромного гардероба, где висело несколько платьев и пышных юбочек — балетных пачек. Женщина забралась внутрь гардероба и стала вышвыривать на кровать одно за другим платья, предварительно осматривая их. Это — малиновое, шелковое — не годится, давным-давно вышло из моды; это — бархатное со шлейфом — все залоснилось; голубое из шифона — еще приличное, но не для зимнего концерта. Села на дно гардероба, уткнула острый подбородок в колени, тяжело вздохнула, а потом выпрямилась и кошачьим прыжком перелетела из гардероба в кровать, утонула в перине и, рыдая, стала колотить кулаками эту перину, словно она была повинна в ее несчастной судьбе. Напольные часы в столовой гулко и медленно пробили шесть раз.

— О боже, сейчас явится Сам, а у меня и кровать не убрана и обед не готов.

Она водворила на место платья, подползла под перину, занимавшую широкую двухспальную кровать и, выгибаясь, принялась спиной взбивать перину, пока не оформила ее в громадный пышный каравай. Накинула шелковое голубое покрывало и, бегая вокруг кровати, оправляла его.

На кухне заглянула в чугунки. Есть вчерашние щи. Для Самого хватит, а она никаких супов не ест. Гречневая каша в другом чугунке. Хватит на обоих и останется еще для Джулли. Теперь поджарить для Самого жирную, бр-р-р, свиную котлету. Женщина раскрыла оконную раму и вынула завернутое в бумагу мясо.

Нащепала лучины, подожгла ее, сунула потрескивающий пучок под дрова в плиту. Смолистый запах распространился по кухне. Ну, а пока разгорятся дрова и нагреется плита, можно приступить к экзерсису.

В спальне переоделась. Натянула трико и полинявшую розовую тунику, надела балетные туфли и, взявшись рукой за спинку кровати, стала проделывать каждодневные упражнения, все еще надеясь. Надеясь на что?

Размяла стопу, встала на пальцы, вытянулась в струнку, сделала поворот и застыла. Стала вспоминать:

«...Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит...»

Но для прыжков не было места ни в тесной спальне, ни в столовой. Села на спинку кровати, свесила ноги.

«Неужели все это было? И никогда не повторится? Нет. Никогда. Теперь до самой смерти — самовар, щи, каша, перина, прилавок в антикварной лавке среди керосиновых ламп, фарфоровых пасхальных яиц, икон, лампадок, разрозненных кузнецовских чашек. Покупатели заглядывают редко. Заходят бывшие царские и белые офицеры, нечистоплотные, часто не бритые. Судачат, вздыхают по старой матушке России, потеряв надежду когда-либо вернуться туда на белых победных конях. Уличают один другого в трусости, вспоминают скандальные истории. А старой России она не знает. Знает новую, советскую, на которую они клевещут.

Первое время она протестовала, уличала их во лжи. Но потом Сам однажды сказал ей, что если она будет у него в лавке разводить большевистскую агитацию, он выгонит ее. И ей останется улица.

А было время... Тридцатые годы. Она, Катя, выпускница хореографического училища. Белая ночь. На Кате белое платье, которое мать переделала из своего, свадебного, на ногах модные «молочные» туфли. Катю приняли в балет Мариинского театра. В кордебалет. Пока. Конечно, мечтала стать солисткой, «звездой». Но путь

к звездам трудный, ох, какой трудный, говорила ей мать. Мама — портниха театральной мастерской. Отца Катя не помнит. А вот с нуждой познакомилась рано. Вырваться в звезды, вырваться из нужды было ее мечтой. И вот однажды в ресторане «Астория» познакомилась с ним. Он приехал из Финляндии в Ленинград на пушной аукцион. Пришел в театр. Прислал ей, балерине кордебалета, корзину роз. Такие розы получали от зрителей только Дудинская, Семенова — самые яркие звезды балета. Посыпались подарки — французские духи, фильдеперсовые чулки, конфеты. Каждый день назначал ей свидания. Уверял, что балерина с таким дарованием могла бы украсить собою сцены Гранд Опера в Париже, Ла Скала в Милане, Оперного театра в Вене... Предложил руку, сердце и все сцены Европы. В качестве задатка надел ей на пальчик ажурное золотое кольцо с бриллиантом. И Катя сдалась. Вышла за него замуж. Поехала за мужем в Финляндию. Оставила мать наедине с отчаянием. Она не верила в уверения Кати, что ее ждет слава, не захотела даже взглянуть на жениха: годится Кате в отцы, увозит дочь неизвестно куда, на какую долю. И что же? В финскую оперу не приняли. Нашли, что не обладает выдающимися данными, а в кордебалете своих полно. О поездке в Париж нечего было и думать. Муж оказался не миллионером, как представляла себе Катя, а коммивояжером, разъездным торговым агентом пушной фирмы. На комиссионные, которые получил от фирмы за приобретение партии мехов в Ленинграде, купил Кате бриллиантовое кольцо. Фирма вскоре разорилась. Сам, как называла его Катя, стал заниматься тем, что скупал и перепродавал старье. Его антикварная лавка давала возможность еле сводить концы с концами. Часто не было денег, чтобы купить мяса. Единственной ценной вещью в доме было Катино бриллиантовое кольцо. Даже собаку Джулли Сам завел ради того, чтобы она оберегала Катю и кольцо. Джулли никому не позволяла приблизиться к хозяйке. Катя не могла даже поздороваться за руку: Джулли тотчас обнажала свои грозные желтые клыки и вскидывала лапы на плечи незнакомца, ожидая команды: «Взять». Только эту команду овчарка могла выполнить беспрекословно — взять мертвой хваткой за горло. «Береги кольцо, — не раз напоминал Сам, — дорогое кольцо, в черный день может выручить». Оказывается, и кольцо было подарено «на черный день».

В столовой иногда собирались гости. Тогда Сам просил Катю танцевать. Гости раздвигали тяжелую мебель, хозяин заводил патефон, Катя бежала в спальню, надевала пышную белую пачку, диадему из блестящих фальшивых камней, звучала музыка Сен-Санса, и Катя танцевала умирающего лебедя. Здесь, среди дородных дам и их не менее погрузневших мужей, она чувствовала себя королевой, «звездой». Мужчины гулко аплодировали. «Очень мило, очень мило», — снисходительно говорили дамы и тут же вспоминали «несравненную» Павлову и «блистательную» Кшесинскую, сумевшую обворожить самого великого князя. Катя понимала, что всерьез эти дамы ее таланта не принимают. Срывала с себя в спальне диадему и пачку, надевала черное бархатное платье, в котором она казалась еще тоньше — назло этим дамам, а потом говорила мужу, что никогда не будет больше танцевать перед этими «коровами». И вместе с тем Катя понимала, что теряет упругость мышц и технику, что у нее начинают выворачиваться пятки, болят суставы, с трудом получается «шпагат», а прыжки потеряли легкость и высоту. Старость в двадцать пять лет! В двадцать пять лет без мечты, без будущего, без восторженного чувства любви. Все прошло мимо нее. Самого она не любила. Катя, кажется, не умела активно ни любить, ни ненавидеть. У нее не было привязанностей, она сама была накрепко привязана поводком к Джулли, к Самому, к этой серой, безрадостной, однообразной жизни. Застыла в каком-то оцепенении. Но червяк протеста, разочарования точил ее сердце. Когда мужчины собирались сыграть в карты или вели какие-то свои разговоры, муж отсылал ее. Она забиралась в спальню, открывала зеленую крышку патефона, на внутренней стороне которой был нарисован граммофон с широкой голубой трубой и рядом с граммофоном бело-желтый пёс. «Хиз мастерс войс» — «Голос его хозяина» — называлась марка патефона. Катя крутила ручку патефона, надевала на блестящий стерженек черный круг пластинки, который начинал вращаться под неподвижной иглой мембраны, и иголка выцарапывала из пластинки, выцарапывала из сердца Кати пронзительно горестные песни Вертинского, в которых была и нежная тоска и вычурная ирония. «Вы так мило танцуете, в вас есть шик»... — Кате казалось, что это он поет ей. И ей поет о маленькой балерине и о том, как, стоя на берегу речки, он тоскует по родине. Катя плакала и особенно остро чувствовала свое одиночество, обреченность. Связей с родиной не было. Первое время писала письма своим подружкам по училищу. Не все отвечали ей, а потом и те, которые любопытствовали, как же сложилась ее судьба, тоже перестали писать. Мать на ее письма вовсе не отвечала. Жива ли она?

В такие минуты Катя физически ощущала ошейник, который она добровольно нацепила на себя. Постепенно наступала апатия, огонек жизни тлел, чадил.

И вот афиша. Большой театр прибывает в гости. Вера Давыдова. Она помнит ее. Вера пришла в Мариинский театр на год раньше Кати, окончив Ленинградскую консерваторию. И сразу заявила о себе. Чистый, огромной силы голос и необычайная работоспособность. Катя встречалась с ней на репетициях, за кулисами, перед выходом на сцену. И всегда видела Веру в работе, сосредоточенную. Для нее, казалось, ничего не существовало в жизни, кроме искусства, театра. Она являлась в театр всегда «в образе», в образе Любавы, Марфы, Кармен... И вела себя за кулисами так же, как и на сцене. Она пере-

ставала быть Верой Давыдовой. За кулисами с ней нельзя было заговорить о том, что не имело отношения к ее роли. Когда Катя собралась уезжать в Финляндию, она встретилась с Верой в балетной студии, куда Давыдова пришла разучивать танец Кармен... Катя прощалась с подругами. Вера, обмахиваясь веером, подошла к ней, внимательно посмотрела на ее юное, счастливое лицо и строго спросила: «Ты хорошо все обдумала? Ведь пожалеешь, локти себе будешь грызть в тоске». «Нет», — беспечно ответила Катя и выразительно посмотрела на Верино платье, сшитое из парашютного шелка. На Кате было дорогое платье, купленное женихом за валюту в магазине Торгсина. Она повертела пальчиками. На одном было ажурное золотое кольцо с искристым бриллиантом. Такому кольцу могла бы позавидовать любая, думалось Кате.

Узнает ли ее теперь Вера? И как она, Катя, предстанет перед нею. В поношенном бархатном платье? Что она скажет ей? Может быть, не пойти на концерт, не встречаться? Нет. Она пойдет на этот концерт. Не может не пойти. И потом Лемешев. Все девчонки из балета, да и не только из балета, боготворили его.

В прихожей послышались тяжелые шаги Самого. Он заглянул в спальню, сказал, что голоден как волк. Катя поспешила на кухню, стала собирать на стол.

— Ты знаешь потрясающую новость? — спросила она. — Приезжают артисты Большого театра. Из Москвы. Вера Давыдова. Сергей Лемешев.

— Ну и что? — равнодушно отозвался Сам. — Приедут и уедут.

— Разве тебе не хотелось бы пойти на концерт?

— Нет. У меня более важные дела. Я получил приглашение поехать в Париж и Берлин и закупить там партию парфюмерных товаров. Выгодная сделка. Собери чемодан. Завтра вечером я уезжаю.

Катя переворачивала на сковороде распространявшую невыносимый для нее запах свиную отбивную и о чем-то лихорадочно думала.

— Вот тебе деньги. Распредели их на две недели. Не забывай покупать мясо для Джулли. — Собака терлась головой о колено хозяина.

— Да, да, — машинально отвечала Катя, думая о чем-то своем.

После обеда стала мыть посуду. Предварительно сняла кольцо и повесила его на гвоздик над столом. Кольцо покачивалось, и бриллиант подмигивал своим радужным глазом.

...На следующий вечер Катя провожала мужа на вокзале. Мела поземка, она ежилась в старой шубке.

— Иди домой, не жди отправления поезда, ты вся посинела, — сказал Сам, целуя жену в щеку.

— Петенька! — умоляюще произнесла она. И Сам вздрогнул. Уже несколько лет она не называла его по имени. — Умоляю тебя! Исполни одну мою просьбу.

— Непременно. Не забуду: модный шелк на платье и духи «Вечер Парижа». Лишь бы удалась сделка. Тьфу, тьфу, тьфу, — поплевал он три раза через левое плечо.

— Нет, Петя. Не духи. И не шелк. — Катя взяла его за руку. — Помнишь, пять лет назад в Ленинграде ты обещал мне все сцены Европы. Так вот. Когда приедешь в Париж, дай мне телеграмму такого содержания: «Тебя с нетерпением ждут в Гранд Опера́». Ну, и еще что-нибудь, вроде: «нежно люблю, крепко целую», в общем, неважно что. Важна первая фраза. Мне приятно будет получить такую телеграмму и вообразить, что меня там ждут.

— Не казни меня. — Сам растроганно поцеловал ее ледяные пальцы. — Я виноват перед тобой, но я надеюсь, что теперь сумею вознаградить тебя и ты будешь иметь все, что пожелаешь.

— И сцену и славу? — спросила Катя.

— Все, если ты поможешь мне в моем деле, — уклончиво ответил муж.

Поезд тронулся. Сам поспешил вскочить на подножку вагона. Катя побежала по перрону, рядом с вагоном.

— Не забудь прислать мне телеграмму! — кричала она.

Сам помахал ей рукой и утвердительно кивнул головой. Она осталась на платформе в мутной пурге, в потертой шубке, похожая на озябшую бесприютную кошку.

Засунув нос в воротник шубы, Катя шла домой и с уверенностью думала о том, что теперь-то она явится перед Верой во всем блеске. Да. Она должна явиться на концерт и показаться Вере благополучной, процветающей. Порыв ветра метнул в лицо Кати пригоршню снега. Она задохнулась и остановилась. А если Вера вздумает навестить ее дома? Но Катя скажет, что страшно занята, готовится к гастролям в Париже. Там ее муж. Покажет ей телеграмму. Ее ждут в Гранд Опера́. «Се ля ви» (такова жизнь), — скажет Катя. Бесконечные поездки на гастроли. Устала от славы, от поклонников, писем, цветов. Да. Катя пошлет Вере на сцену роскошную корзину роз. Напишет ей добрые слова и скромно подпишется «Катя».

И началась подготовка к Пушкинскому вечеру. Во французском салоне Катя долго перебирала рулоны дорогих материй. Советовалась с художницей: что модно, что ей к лицу. Остановилась на черном лаке — плотном лакированном шелке. «Ваши глаза будут отражать блеск платья», — сказала художница. Спереди платье будет чулком обтягивать фигуру, низкое декольте, а сзади юбка трубками будет спадать вниз. На плече две привядшие розы из бархата. Третья такая же роза в волосах. К платью подобрали сумку, шитую черным и серебряным бисером и черные плетеные из тонких лакированных ремешков туфли на серебряном каблуке, украшенном сверкающими камнями. И билет

Кате удалось купить в первом ряду, в центре. Вера обязательно увидит ее. В цветочном магазине решила вместо корзины с розами преподнести Давыдовой три редкие орхидеи, упакованные в коробке под стеклянной крышкой. Безумные деньги. Вера должна оценить.

В день концерта Катя с утра отправилась в косметический салон. В отдельной кабине благоухающая косметичка в сиреневом шелковом халате, с сиреневыми волосами долго колдовала над Катиным лицом. Массаж, крем, паровая ванна для лица, маска, грим. Катя полулежала в кресле, укрытая пледом. Маникюр. Педикюр. Парикмахерша сделала элегантную прическу. Черные Катины волосы были зачесаны на правую сторону и опускались на плечо гроздьями локонов, а над ними благоуханная, чуть привядшая бархатная роза.

Катя не узнала себя в красивой, гордой, надменной кукле, такой тоненькой, высокой и гибкой, с яркими глазами, ставшими глубокими и таинственными после того, как косметичка закапала в них беладонну. Голова излучала свечение от серебряного лака.

«Боже мой, как я еще хороша! Что делает косметика и изысканный туалет», — осматривала себя Катя дома в потрескавшемся мутном трюмо. Накинула на плечи меховую накидку из канадской норки. Натянула на руки длинные, до локтя перчатки, а поверх надела ажурное золотое кольцо с фальшивым бриллиантом, вставленным в ювелирном магазине взамен настоящего, который оценили по достоинству.

ГЛАВА 17

В капкане

Андрей сошел с крыльца, чтобы сесть на велосипед и ехать на работу, когда его окликнула Марта.

— Здесь тебе открытка, из газеты выпала.

Петраков быстро пробежал ее глазами.

— От Петра Захарова. Просит зайти, чтобы потолковать о ремонте большой виллы. Работа на верфи кончается. Очень кстати такое предложение. С обедом меня не жди. — Андрей сунул открытку в карман, вскочил на седло велосипеда и заработал ногами.

За шестнадцать лет работы маляром Петраков приобрел славу хорошего, непьющего мастера. На верфи сейчас заканчивает отделочные работы в каютах...

Андрей, насвистывая, макал кисть на длинной ручке в ведро с краской, отжимал ее о край ведра и, не уронив ни капли на пол, наносил краску на стену. В кают-компанию заглянул советский инженер-приемщик. Молодой, веселый, но весьма придирчивый. Он постоял, посмотрел.

— Отлично работаете, — неожиданно сказал он. — В Советском Союзе были бы ударником.

— А может быть, и буду, — в тон ему ответил Петраков.

«А может быть, и впрямь буду», — подумал он, и от одной этой мысли становилось празднично на душе. И радовал предстоящий заказ. В связи с ожидаемым прибавлением семейства расходы возрастут. Марта ушла с работы. Нужны всякие пеленки, коляска, кроватка. Все это требует денег. Очень кстати предложение Петра. Петр Захаров. Еще до революции поселился в Финляндии, участвовал в мировой войне, затем в походе белофиннов на Советскую Карелию. Потом завел антикварную лавочку. Лавка была скорее клубом для белоэмигрантов, чем доходным предприятием. Редко кто заходил порыться в старом хламе. Захаров стал коммивояжером одной пушной фирмы, ездил несколько раз в Ленинград на пушные аукционы. И однажды привез оттуда себе жену-балерину, чернявую девчонку, чуть ли не втрое моложе себя. Но шикарную жизнь балерине он обеспечить не мог: фирма вскоре разорилась, и Захаров занимался тем, что скупал и перепродавал разное старье. Андрей раньше частенько заходил в лавочку к Захарову. Но потом у него появилась Марта, обзавелся собственной семьей да и надоело попусту трепаться и переливать из пустого в порожнее с белыми офицерами, для которых Петраков был «нижним чином».

Петраков закончил работу в кают-компании и пошел разыскивать инженера-приемщика.

— Все? — спросил Петраков.

— Нет, еще надо косметику навести в коридорах, в машинном отделении. Грузили уголь, заливали мазут, испачкали стены, — сказал приемщик. — Еще дня на два работы хватит. А сейчас свободны.

Петраков поехал к Петру.

Дверь ему открыла чернявка, как заочно называл Андрей жену Захарова. Она поздоровалась, кликнула мужа, а сама убежала в комнату, подпрыгивая на своих тоненьких ножках.

Вышел Петр. Он погрузнел, в коричневом суконном халате, отделанном золотистым шнуром, выглядел эдаким барином. В квартире тоже перемены: в столовой новая дорогая мебель, а в кухне, через которую прошел Петраков, он заметил белый американский холодильник, который он видел только в богатых квартирах.

— Разбогател? — спросил Андрей.

— Да. От нескольких фирм теперь работаю. Разъезжаю по заграницам, закупаю разные товары. Должно когда-нибудь улыбнуться человеку счастье. Вот я и о тебе подумал. Одному иностранцу надо отремонтировать загородную виллу. Возьмешься?

— Надо посмотреть, — ответил Андрей. — А что за иностранец?

— Да кто его знает, — прикрыл ладонью зевок Петр. — Зашел ко мне в лавку, сказал, что старинный фарфор собирает, купил у меня китайскую вазу. Не торговался, видно, состоя-

тельный. Спросил, не знаю ли я хорошего маляра. Я вспомнил про тебя. Он оставил адрес. Вот возьми. Просил приехать сегодня.

— Далековато,— посмотрел на адрес Петраков.— Это километров двадцать от города. Ну да ладно. Оставлю велосипед у конечной трамвайной остановки, а дальше поеду на автобусе...

Сошел, как было указано в записке, на девятнадцатом километре и пошел по тропинке. В лесу, в густых зарослях, стоял одноэтажный

Вебер вынул из кармана браунинг:
— Вы расписку напишете.

дом. «Какая же это богатая вилла?» — подумал Петраков. Видно, ошибся. Но решил все же зайти. Поднялся по ступенькам на застекленную террасу. Уже темнело, и в доме светился огонь. Вышел мужчина. Толстые стекла очков делали глаза неестественно большими.

Петраков спросил, туда ли он попал, и показал записку с адресом.

— Туда, туда, — ответил по-русски с сильным акцентом хозяин дома. — Проходите.

Петраков шел следом и осматривал комнаты. Ремонт пустяковый, просто надо освежить комнаты, которые казались нежилыми. Самая необходимая мебель, и никаких признаков семейного жилья. Ерундовая работа. Едва ли стоит связываться, да еще ездить в такую даль. Никакой выгоды, размышлял Андрей.

— Садитесь, — пригласил хозяин, вводя Петракова в кабинет, в котором стоял письменный стол, диван и несколько стульев. На столе ни бумаг, ни чернильницы, ни настольной лампы, один желтый кожаный портфель.

— Вы советский гражданин? — спросил хозяин.

— Нет еще.

— Значит, живете по нансеновскому паспорту. Подали заявление о приеме в советское гражданство? Чего это вы решились?

— Хочу, чтобы мой будущий ребенок не был от рождения беженцем.

— Отличная мысль, — одобрил хозяин. — И вы надеетесь, что после всего того, что вы совершили против своей родины, вам дадут советский паспорт?

— Я надеюсь, — твердо сказал Петраков. — Но откуда вам об этом известно? Петр Захаров, что ли, рассказал? И какое это имеет отношение к ремонту вашей дачи?

— Я никакого Петра Захарова не знаю, а вот о вас знаю все. И я полагаю, что у вас хватило ума, чтобы не рассказать консулу Яркову главное.

— Нет, рассказал, как на исповеди. И все же давайте перейдем к делу. Какой ремонт вам требуется?

— Да, перейдем к делу, — согласился хозяин. — Я полагаю, что вы не информировали Яркова о том, что являетесь агентом германской разведки, Рейхсзихерхейтсхауптамта?

— Что-о-о? — изумленно уставился в какие-то незрячие глаза хозяина Андрей.

— А то, что вы в свое время дали письменное обязательство служить германской разведке и оказывать любую помощь в борьбе против Советской России. И получили аванс, который даже не отработали.

Холодный пот выступил на лбу Петракова, а по спине пробежали мурашки. Он совсем забыл об этом.

В двадцать первом году, еще не остыв от мятежного угара, все еще надеясь взять реванш за поражение, участники кронштадтского мятежа бежали в Финляндию и готовы были связаться с чертом, дьяволом, с кем угодно. Тогда все давали какие-то клятвенные, письменные обязательства французам, англичанам, немцам, получали деньги, слыли за героев, создавали какие-то союзы, братства, партии. Все это распадалось, смешивалось. Немцев интересовали прежде всего люди, имевшие связи в России, офицеры. У Петракова не было интересных для немцев связей, и о нем забыли. И он забыл.

— Но это было шестнадцать лет назад, — сказал Андрей. — Тогда не было гитлеровской Германии, я давал какую-то подписку тогдашнему вермахту.

— Нет, это было не в 1921, а в 1934 году.

— Вы ошибаетесь! — воскликнул Петраков.

Хозяин дачи вынул изо рта сигару, положил ее в углубление пепельницы, не торопясь раскрыл портфель, лежавший на столе, и извлек из него две пожелтевших бумаги.

— Узнаете? — спросил он.

Да, это была его, Петракова, подписка, какая-то клятва бороться с коммунистической Россией до конца.

— А конец еще не наступил, — многозначительно сказал хозяин, снова защемив желтоватыми зубами кончик сигары.

— Но когда это написано? — спросил Петраков.

— Извольте посмотреть.

В конце подписки рукой Петракова стояла дата — «26 июня 1934 года». И никаких следов подчистки или исправления.

— Но это подлог! — возмущенно воскликнул Андрей.

— Можете жаловаться советскому консулу, — откинувшись на спинку стула и глядя сычьими глазами на Андрея, произнес немец и захохотал.

— Да, я пойду и все расскажу советскому консулу, — в ярости сжав кулаки, стараясь сдержать бивший его озноб, сказал Петраков.

— Ну и чего вы этим добьетесь? Вам откажут в советском гражданстве. Мы постараемся представить вас перед властями как советского шпиона. А это означает многолетнее тюремное заключение. И никто за вас не вступится. Вы человек без гражданства. Тем строже с вас спросят. Вашу жену посадят в тюрьму за принадлежность к подпольной коммунистической организации. Ребенка ей позволят родить, но определят в приют для бездомных, брошенных детей.

Человек с сычьими глазами явно наслаждался произведенным эффектом. Петраков сидел бледный, растерянный. «Надо пойти к Яркову. Рассказать», — лихорадочно пульсировало в голове Андрея.

И гитлеровец словно угадал намерение Петракова.

— Вам известен был большевик Нагнибеда? — выложил хозяин дачи свой последний козырь.

— Мы служили с ним на линкоре «Пет-

ропавловск», — пораженный осведомленностью немца ответил Петраков.

— Совершенно верно. И этот Нагнибеда, которого вы засадили в корабельную тюрьму, ничего не забыл. Теперь он решил с вами рассчитаться.

— Но он понятия не имеет о моем существовании. — Петраков совершенно был сбит с толку.

— И вы его не узнали? — Гитлеровец приблизил свое лицо к Петракову. Казалось, у него не глаза, а фары на лице. В толстых стеклах многократно отражался свет лампы.

— Так знайте же: Нагнибеда и консул Ярков одно и то же лицо. Он сменил свою отцовскую фамилию на фамилию матери. Мы ему поможем, подкинем джокер — фотокопию вашей подписки.

Петраков, ошалевший от внезапного удара, потерял дар речи.

— Я понимаю смятение вашего духа, — произнес немец самым добродушным тоном. — Вам надо дать время поразмыслить. Срок — одни сутки. Скажу больше: вы для нас интереса не представляете. Мы гуманны и потребуем от вас выполнить одно-единственное задание. Весьма посильное. Не опасное. Вы курите сигары?

— Нет. Только сигареты. Сигары мне не по карману.

Немец отвернул манжету на левой руке, посмотрел на часы.

— Завтра, ровно в одиннадцать часов, вы будете здесь. Уйдете отсюда состоятельным. Не явитесь, струсите — пеняйте на себя. Вечером вы и ваша жена будете арестованы охранкой. А сейчас вы свободны. — Немец встал и распахнул дверь, проводил Петракова к выходу. Вышел на террасу и смотрел, как Петраков, согнувшись, болтая руками, шел, шатаясь, по тропинке.

«Он придет, — решил Вебер, усмехаясь, — никуда не денется!»

«Я не приду сюда, не приду», — твердил Петраков, все еще плохо соображая, что произошло. Выйдя на шоссе, он остановился. Ноги сделались ватными, и он сел на край придорожной канавы, обхватив рукой деревце, чтобы не свалиться. «Что мне делать? — прижался он щекой к прохладному стволу березы. — Ехать домой, рассказать все Марте? Она умная, сумеет посоветовать. Но может ли он нанести ей такой удар? Ведь, выходит, он скрыл это от нее. Без умысла. Забыл. Она и тогда ему еле простила его прошлое. Его Марта — коммунистка?.. Возможно ли это?.. Скрывает от него?.. Не доверяет?.. Поехать к Петру Захарову? Ведь он одобрил его решение о принятии советского гражданства». И вдруг горячая мысль обожгла Петракова. Петр Захаров женат на советской балерине. Он заодно с Ярковым. И как он не узнал в Яркове Нагнибеду? Но ведь прошло столько лет. Кудрявый Нагнибеда стал лысым, и эти дымчатые очки, и усы, и одежда... И что хотят от него гитлеровцы? «Задание посильное, не опасное», — сказал этот немец с глазами-фарами. Почему же он, Петраков, не спросил: что именно от него хотят? Может быть, приехать завтра и спросить, потом уже решать? Выполнить поручение и в качестве вознаграждения потребовать не деньги, а возвращения проклятой подписки и расписки за какие-то двести марок. Вернуть ему эти марки — и квиты...

Прошел один автобус, другой, а Андрей все еще не имел сил подняться. Наконец, сел в третий. Доехал до конечной остановки, где стоял его старый, видавший виды велосипед. Но Петраков понял, что у него нет сил ехать на велосипеде. Сел в трамвай. Пришел домой и сказал Марте, что устал, расскажет обо всем после. Отказался от обеда. Лег на кровать и как в колодец провалился.

Проснулся потому, что Марта, сжав его бессильные пальцы в кулак, натягивала на него голубой чепчик, обшитый кружевом.

— Я думаю, — сказала она, — у нашего младенца будет голова не больше твоего кулака. Вот на него я и буду примерять чепчики. Вон какая большая рука у нашего папы, — приговаривала она, завязывая голубые тесемки у запястья Андрея. — Только вот не такие корявые пальцы с грязными ногтями, а розовое личико будет выглядывать из этого чепчика. Давай-ка будем парить твои руки каждый день в мыльной воде и смазывать их свиным салом, чтобы они стали мягкими. У папы должны быть чистые руки и чистая совесть. Правда?

Андрей зарылся головой в подушку.

— Так ты получил работу? — спросила Марта. — Большая квартира? Сколько тебе обещали заплатить? Я составила список: нужно множество вещей для нового человечка, и папе надо заработать много, много денег. Да?

— Завтра утром поеду окончательно договариваться, — глухо сказал Андрей. Пристально посмотрел на Марту, на ее похорошевшее лицо: глаза излучали нежный свет материнства. — Скажи, Марта, ты коммунистка?

— Кто это тебе сказал? — вспыхнула она, даже шея покраснела.

— Так, просто сам подумал. И к подругам ли ты ходишь? Знаешь ли ты, чем грозит это тебе и твоему ребенку?

— Наш ребенок будет коммунистом, вот это я твердо знаю. Своих убеждений я от тебя не скрывала. Я думаю, что этого достаточно. И нечего тебе разлеживаться. Вставай, будем ужинать, раз от обеда отказался.

Ночь у Андрея была бессонная. В предрассветный час ему стало страшно. Он готов был разбудить Марту и рассказать ей все, все. Подошел к ее кровати. Марта спала глубоким, блаженным сном. Голова чуть повернута набок, припухшие губы полураскрыты, туго налитые руки с голубыми прожилками лежат вдоль тела. Отдыхают. Так спят люди с чистой совестью. Нет, не потревожит он ее сна.

...В одиннадцать часов Петраков был на даче. Сегодня он получше присмотрелся к ней. Вокруг ни клумб, ни цветов, внутри никакого

Да, решено...
Он оставит
эту сигару здесь,
на террасе
под скамейкой.
А дальше?
Уйти ли ему от расправы?

признака семейного уюта, ни скатертей, ни ваз, ни безделушек. Больше похожа на деловой дом, на контору.

Петраков постучал в дверь, ведущую с террасы во внутрь дома. На окне приоткрылась тяжелая портьера, блеснули очки.

— Итак, — защелкнув дверь на автоматический замок, сказал немец, словно и не прерывался вчерашний разговор, — с каким же решением вы пришли?

Пришел узнать, что, собственно, вы от меня хотите.

— Я уже сказал — пустяковое дело, не опасное, не трудное для вас, важное для нас.

— Вы вернете мне мою подписку и расписку в получении денег? Свой долг в двести марок я принес, хотя в те годы эти марки ничего не стоили.

— О, я ценю вашу аккуратность в расчетах. И раз уж разговор зашел о деньгах, то могу сказать, что за услуги мы платим щедро. Вот вам две с половиной тысячи марок. Половина вознаграждения. Вторую половину вы получите через два дня, когда мы убедимся, что вы выполнили задание.

Петраков, обычно любивший хорошо заработать, отодвинул пачку денег.

— Мы вернем и вашу подписку и вашу расписку и никогда не будем больше беспокоить вас, — поспешил заверить Вебер. — А сейчас я вам объясню, что от вас требуется. Когда вы заканчиваете работу на пароходе?

— Завтра-послезавтра.

— Отлично. Пароход уходит в Ленинград во вторник. Сегодня воскресенье. Что вам надлежит сделать завтра?

— Подновить кое-где стены — в коридорах, в машинном отделении.

— Отлично. В стене машинного отделения вы расшиваете якобы трещину, делаете углубление и закладываете туда вот эту сигару. Заделываете так, чтобы комар носа не наточил...

— Не подточил, — машинально поправил Петраков.

— Спасибо. Проклятый русский язык. Закрашиваете. Вот и все. Я думаю, пять тысяч за такую безделицу плата щедрая? А еще говорят, что немцы скупые.

Петракова снова стал колотить озноб. Он понимал, что затевают гитлеровцы.

— Пишите расписку, — приказал Вебер.

— Нет, новой расписки я писать не буду и денег не возьму. Уплáтите, когда сделаю, — пытался увильнуть Петраков.

Вебер вынул из кармана браунинг.

Вы расписку напишете. Вот бумага, вот вам ручка. Пишите, или не выйдете отсюда живым.

Страх липкой тиной обволакивал сердце Андрея.

— Пишите! — закричал взбешенный Вебер. — Пишите: я, Андрей Петраков...

Ручка тряслась в пальцах Андрея.

— Вы пишете, как курица ногой! Вы трусливый, истеричный человек.

Вебер подошел к стоявшему в углу столику, налил в один и другой стаканы воды из стеклянного кувшина.

— Выпейте воды, успокойтесь! С вами сам становишься неврастеником, — сказал Вебер и осушил стакан.

Во рту у Андрея действительно пересохло. Он выпил полстакана воды. Дрожь унялась. Страх отступал. Возникло чувство какого-то озорства, беспечности. «И чего это я перепугался? — думал Петраков. — Напишу. Принесу Марте кучу денег. Через неделю принесу еще. А сигару? Сигару выброшу. Ну и хитер ты, доннерветтер нох ейнмаль, — вдруг вспомнил Петраков немецкое ругательство. — Ишь, кого вздумал запугать! Петракова! А? — И со дна сердца поднялась злоба на Нагнибеду, на Яркова. — Решил, значит, со мной рассчитаться? Петра Захарова мне подсунул»...

«Я, Андрей Петраков, — писал он уже твердым почерком под диктовку Вебера, — получил от VI отдела Главного управления имперской безопасности Германии две тысячи пятьсот марок за выполнение особо важного задания». Подписался. Поставил дату.

— Вот эта штука, — вынул Вебер из коробочки коричневую сигару с золоченым фирменным пояском посередине. — Заделать в стену вы ее можете в любом положении.

— И в любом положении она взорвется? — спросил Петраков.

— Ум готтенс виллен, нихт! — воскликнул Вебер, сложив ладони и подняв их вверх. — Я могу вам по секрету сказать, что в этой сигаре заложено секретное донесение для нашего человека в Советской России.

Вебер положил руку на плечо Петракова.

— Бедняга. Вы сегодня переволновались. Вечером у вас будет болеть голова. Выпейте тогда содовой воды и любой порошок от головной боли. Желаю успеха, — потряс он руку Андрея. — Итак, я жду вас здесь в среду, вручу вам еще две тысячи пятьсот марок, вашу подписку и обе расписки. Вы станете самый свободный и весьма обеспеченный маляр во всей этой поганой стране. Захотите, пожалуйте в нашу Германию. Примем вместе с супругой, постараемся забыть, что она была коммунисткой.

«Заложит! Лишь бы у него не тряслись руки, и чтобы он хорошо заделал стену», — думал Вебер, глядя, как Петраков быстро и энергично шагал по тропинке.

«Ну и черт с ним, — рассуждал про себя Петраков. — Заложу. Подумаешь, секретное письмо. Не я, так другой пошлет его. И что тут особенного».

Завидев на шоссе приближающийся автобус, Петраков побежал, чтобы успеть сесть, и ноги несли его, и он не чувствовал тяжести тела, мог бы добежать до самого Гельсингфорса. Вскочил на подножку. Занял свободное место. Вот Марта обрадуется, сколько денег я ей сейчас выложу. Никогда таких в руках не держал. Скажу, что богатый иностранный капиталист поручил переделать двухэтажную виллу.

Сошел у знакомой трамвайной остановки. Взял свой старенький велосипед, легко вскочил на него и закрутил педали. Но постепенно терял ощущение легкости, с трудом двигались ноги, стала болеть голова. «Переволновался, прав этот немчура». Чем ближе подъезжал к дому, тем сильнее ломило голову. К дому уже шел, еле передвигая пудовые ноги, ведя за руль велосипед.

Марта, увидев его, всплеснула руками:

— Ты что, папа, заболел? Почему такой бледный? Почему шатаешься? Напился, что ли?

— Отстань, у меня болит голова, дай мне пирамидон и содовой воды.

— Наверно, грипп. Никуда я тебя завтра не отпущу. Бог с ней, с работой. Лишь бы ты был здоров.

Марта разыскала в аптечке пирамидон, развела чайную ложку соды в воде. Петракова колотил озноб.

Марта расшнуровала ему башмаки, помогла снять пиджак, уложила в кровать. «Чем-то напоил меня проклятый фашист», — мелькнула в голове Андрея вялая мысль.

Утром дело чуть не дошло до драки. Марта уцепилась за мужа и не пускала его на работу.

— Хворый ты, грипп у тебя, ишь, какие синяки под глазами.

— Я должен ехать. Понимаешь — должен! Сегодня я заканчиваю работу и получаю расчет. И работы там осталось на несколько часов. Пароход должен во вторник уйти и из-за одной недоделанной стены его не примут советские приемщики.

— Да, — сдалась Марта. — Соберись с силами. Советский пароход должен быть сдан в срок. А вечером я тебя напою липовым чаем, дам побольше моченой морошки. Поезжай на автобусе. Есть у тебя двадцать пенни?

— Есть, есть. Я действительно поеду на автобусе, а не на велосипеде.

ГЛАВА 18

Мина замедленного действия

Ярков частенько заезжал на судоверфь, чтобы проверить, как подвигается дело со строительством парохода. Приезжал не только как консул, который наблюдает за выполнением заказов для своей страны, но его тянула сюда старая морская душа.

Он с волнением наблюдал, как спускали пароход со стапелей. Скользя по деревянному настилу кормой вниз, еще сухой, сверкающий

лаком, поблескивающий заклепками, пароход поскрипывал от нетерпения ринуться в холодную купель. Для Яркова, как для любого моряка, пароход был живым существом. Недаром на языке старой морской державы Великобритании, на котором все неодушевленные предметы отнесены к среднему роду, для корабля сделано исключение. Будь то парусное судно, военный крейсер или нефтеналивной танкер, пассажирский пароход или лесовоз — все они очеловечены, они женского рода, как мать, сестра, подруга, жена, возлюбленная.

Ярков ревностно следил за внутренней отделкой парохода, когда он стоял у пирса; урывал время, чтобы приехать и посмотреть, как пароход «учат» плавать.

Но вот все работы закончены, механизмы опробованы, бункеры загружены топливом, баки — пресной водой. Пароход научился плавать, производятся последние косметические доделки: удаляются масляные пятна, угольная пыль, драятся поручни, палуба. Подписаны акты приемки. И, наконец, наступил день отправки парохода в Ленинград, где он теперь будет постоянно прописан.

На пристани собралась большая толпа провожающих: все те, кто вложил свой труд в создание судна. И, кажется, нет ни одной профессии, которая бы не участвовала в его строительстве. Здесь механики и слесари, плотники и электросварщики, химики, стекольщики, текстильщики, маляры, столяры...

Ярков стоит с Ириной. Он взволнован, и Ирина тоже. У обоих одна затаенная мысль — поехать бы на этом пароходе в Ленинград.

Загремели якорные цепи. Пароход весело прогудел и стал отваливать от причала.

Ирина запрокинула голову. Легкие, прозрачные облака таяли на светло-голубом небе.

— Коль резок контур облаков,
Ко встрече шторма будь готов.
Когда их контуры мягки,
Тогда все бури далеки, — вспомнил Константин старую морскую примету и добавил: — На небе облака вовсе без контуров, а вот там, — кивнул он на море, в южную сторону, — контур облаков обозначается все резче.

Ирина поняла, что Константин имеет в виду гитлеровскую Германию.

— Шторма не миновать, — подтвердил догадку жены Ярков. Он оглядел толпу. Все были взволнованы. Всех объединяла радость содеянного, результаты общего труда. Увидел Петракова. Тот глядел хмуро и недобро.

— Посмотри направо, на человека в сером костюме с надвинутой на глаза шляпой, — сказал Ярков. — Это и есть тот самый Петраков, о котором я тебе рассказывал.

— У него пришибленный вид, — сказала Ирина. — Не нравится он мне.

— Я думаю, что его одолевают сейчас воспоминания, — заметил Константин. — Пароход берет курс на Ленинград, которого Петраков не знает. Он знает только Петроград.

Подошел директор фирмы и пригласил консула с супругой в яхт-клуб на банкет, чтобы отметить успешное выполнение советского заказа.

Петраков стоял неподвижно, и мысль его бежала вслед пенящейся дорожке, которую прокладывал пароход. Он не махал рукой, как другие, а засунув руки глубоко в карманы, нервно перекатывал губами погасшую папиросу.

Ярков с Ириной прошли близко от него. Он увидел их, и Ярков прочитал в его глазах ненависть. Это были глаза того Петракова, который пинками и кулаками запихивал его, Нагнибеду, в тюремную камеру. Петраков выплюнул изжеванную папиросу и криво усмехнулся, словно хотел показать золотые зубы, вставленные взамен тех, выбитых.

«Узнал, теперь узнал, — подумал Ярков, — и осатанел. Почему? Может быть, поднялась со дна души старая муть?»

Ирина и на себе ощутила обжигающий, злой взгляд Петракова.

— Нет, не разоружился он, — сказала она мужу, — остался на всю жизнь горбатым, врагом.

— Не думаю. Когда он пришел в консульство, у него не было камня за пазухой, — возразил Константин. — Но тогда на мне были дымчатые очки и он меня не признал. А сейчас узнал. И, может быть, обиделся за обман. Но признай он меня тогда, и разговор получился бы другой. Ладно, объяснюсь с ним, когда он в следующий раз придет в консульство.

Площадь опустела.

Петраков потер ладонью лоб. Куда идти? Сжал кулак и представил на нем голубой чепчик с тесемками у запястья. Домой, к Марте? Нет, не может он туда... Но Марта ждет его с получкой. Петраков завернул с площади на боковую улицу, зашел на почту. В карманах у него два бумажника. В одном триста пятнадцать марок, заработанных на фирме честным трудом, в другом — две тысячи пятьсот. Петраков колебался. Послать Марте все деньги? Нет. Иудины деньги он должен вернуть обратно. Взял бланк почтового перевода, написал цифру 300. Пятнадцать марок оставил себе.

С почты побрел сам не зная куда. Очутился в парке. Сел на скамейку. На плечо ему прыгнула белка, быстро пробежалась по рукаву и нырнула в карман в надежде найти там орехи. Петраков схватил за пушистый хвост белку и выбросил ее вон. Встал... Оглянулся... Вокруг дети... Играют в серсо, бегают по дорожкам, трясут пакетиками, в которых гремят орехи. Черноглазые белки доверчиво садятся им на руки, на плечи, хватают орехи; птицы с ладоней клюют семечки. Дети, кругом дети... Петраков побежал вон из парка. Зашел в пивную. Его мучила жажда. В пивной полно народу. Вышел оттуда, направился к трамвайной остановке. Сел в полупустой вагон. На следующей остановке у рынка вагон наполнился до отказа. Петраков,

расталкивая людей, выбрался из трамвая. Пересел на другой. Неожиданно для себя очутился на конечной остановке, где вчера оставил свой велосипед. Скорее из города, подальше от людей. Его занимала только одна мысль — когда должен сработать часовой механизм в сигаре, когда она должна взорваться. Об этом знал только Вебер. Взорваться должна сегодня. На завтра назначена встреча с этим проклятым гитлеровцем, а тот сказал, что встретятся тогда, когда убедятся в «честности» Петракова, будут знать, что он заложил сигару...

Страх, страх, страх больно сжимал сердце. Петраков вскочил на седло велосипеда и быстро закрутил педали. Ехал в бешеном темпе. На девятнадцатом километре спрыгнул с велосипеда, подвел его за руль к краю канавы и сбросил вниз. Постоял у знакомой тоненькой березки, машинально погладил ее, так похожую на тугую стройную руку Марты. Побежал по тропинке в глубь леса. Вот этот дьявольский дом. Окна завешаны плотными портьерами. Зашел на террасу, постучался в дверь. Обошел вокруг дома. В ярости стучал кулаками и ногами в дверь кухни, во все окна... Ни души... Сел на крыльцо. Рядом лежал, свернувшись в клубок, уж. Он приподнял свою узкую головку с желтым полумесяцем у глаза, зашипел, черной струйкой пролился в щель и исчез. Даже эта тварь боится его, Петракова... Тяжело поднялся на ноги, еще раз постучал во все окна и снова зашел на террасу. Ветер шевелил опавшие разноцветные листья клена.

«Неужели нет выхода?» — мучительно думал Андрей.

Лес шумел, как морской прибой. В воздухе кружились листья. Солнце просвечивало сквозь поредевшие деревья, светило, но не грело.

Петракова стал трясти озноб.

«Есть выход, — решил он и вынул из кармана сигару. Приложил ее к уху. Вот она, проклятая! Чуть слышное тиканье часового механизма напоминало, что она работает. Когда же она должна взорваться? А не все ли равно — когда. Он оставит эту сигару здесь, на террасе под скамейкой. А дальше? Уйти ли ему от расправы? Оставить мину здесь и ехать в консульство? Рассказать все Нагнибеде-Яркову. Он ведь сказал: «Усвойте одну истину — мы не мстительны».

А гитлеровец уверял, что Нагнибеда вместе с Захаровым решили заманить его, Петракова, в ловушку и расправиться с ним. Но почему он должен верить гитлеровцу, который, как теперь понимал Петраков, тогда на даче дал ему выпить какой-то наркотик, под действием которого Петраков тогда так легко написал расписку и все ему было трын-трава, а после так мучила головная боль. Да, решено... Он, Петраков, оставит сигару здесь, под скамейкой, побежит к березке, вытащит из канавы велосипед. Нет, сядет на автобус и поедет к Яркову. Тот поможет выбраться из тупика.

Петраков положил сигару под скамейку, сбежал вниз по ступенькам. Остановился. Стал зачем-то сгребать руками в кучу опавшие листья. Набрал пригоршню, вернулся на террасу и сбросил на мину, а ветер, как нарочно, разметал их и обнажил коричневую сигару с золотым пояском посередине. Петраков снова спустился, набрал целую охапку желтой листвы и, чего-то медля, стал сбрасывать по листочку на сигару. Мысль лихорадочно работала и приказывала ему: «Беги!», а ноги не слушались. Сигара, словно магнит, притягивала к себе. Тогда, на линкоре, Петраков спешил. Как сейчас помнит. Зажав в руке толовую шашку с часовым механизмом, он сорвал печать, открыл люк в шахту и стал спускаться по скобтрапу в пороховой погреб. Какая-то тень мелькнула над ним и кто-то схватил его за волосы и вытащил наружу. Старый матрос вырвал из рук Петракова толовую шашку. Петраков увидел белые от ярости и ужаса глаза. Отскочил и побежал, сопровождаемый самыми отборными ругательствами. Старый матрос не погнался за ним, в руках у него была страшная штука, которая могла с минуты на минуту взорваться, и от детонации взорвался бы весь пороховой погреб. Ох, как несли тогда ноги Петракова. Он бежал тогда от возмездия, бежал вместе с другими мятежниками в Финляндию, чтобы спасти свою шкуру. Бежал тогда от Нагнибеды. Сейчас должен бежать к нему. А вместо этого он стоит и сбрасывает листья один за другим. Может быть, тогда, шестнадцать лет назад, он закладывал толовую шашку под свое будущее, под себя, это была мина замедленного действия и теперь настал час расплаты?

Петраков судорожно сжал листья в кулаке, и ему почудилось сморщенное личико ребенка, может быть, сына, в голубом чепчике, обшитом кружевом...

Петраков вдруг очнулся. «Что же я делаю? Почему медлю? Надо бежать, бежать, пока не сработал механизм...»

А ноги приросли.

Он очищал ладони от прилипших листьев и увидел, как зашевелилась сигара, высунула узкую коричневую головку, блеснул золотой полумесяц. Сигара вытянулась, зашипела...

Взрыв эхом прокатился по лесу. Огромное пламя охватило рухнувшие стены дачи.

ГЛАВА 19

Реликвии

В железнодорожных мастерских наступил обеденный перерыв. Рабочие выходили из дымного, прокопченного паровозного депо и, щурясь от яркого солнца, направлялись к водокачке, из рукава которой текла, извиваясь хрустальной спиралью, холодная струйка воды. Рабочие оттирали руки песком и передавали друг другу кусок пообтертого, засаленного мыла. Обсушивали руки на солнце и устраивались на зеленом

пятачке вокруг семафорного столба. Запахло кофе из термосов, забулькало молоко из бутылок, из жестяных коробок и бумажных пакетов извлекались бутерброды.

Токарь Оскар Энгберг подошел к водокачке последним, вытирая на ходу мокрые руки. Он прихрамывал. Ему шел шестьдесят третий год, а до пенсии надо было отработать еще шесть с лишним лет.

Рабочие раздвинулись, уступили старому рабочему высокую кочку, поросшую жесткой осокой, на которой можно было сидеть, как на табурете. Рядом с Оскаром пристроился его ученик Вяйно.

Семафорную мачту с обеих сторон обтекали блестящими ручейками рельсы, то смыкаясь под острым углом, то разбегаясь в сторону. Пощелкивали автоматические стрелки, коротко и хрипло гудели маневровые паровозы. Наверху заскрежетали блоки, и на семафорной мачте вскинулось зеленое крыло, открывая путь длинному товарному составу.

— Из России товары везут, — заметил машинист Вильхо, когда мимо прогромыхал последний вагон.

— Кому они нужны? — брезгливо сморщил губы смазчик Карл. Молодой, узкоскулый, он зачесывал волосы на правый бок и спускал на лоб прядь. За эту прическу рабочие прозвали Карла «фюрером». И не зря. Он был членом фашистской организации ИКЛ и даже командовал ротой шюцкора, чем очень гордился.

— Эти товары мне нужны, тебе, ему, — заметил кузнец Пааво.

— Но за товары мы им денежки платим, а они на наши деньги коммунистическую революцию во всем мире разжигают, — злобно ответил Карл, закуривая сигарету.

Пааво засмеялся.

— А советский табачок тебе по вкусу приходится?

Карл смял сигарету и отбросил ее прочь.

— Без выгоды никто торговать не станет. Вон видишь, бумагу грузят, — показал Пааво на пакгауз, из которого в раскрытый вагон по деревянному настилу закатывали огромные рулоны бумаги. — И что же, задаром мы даем что ли? Советская страна нам тоже золотом платит.

— Советы нашу бумагу на коммунистическую пропаганду употребляют, — не унимался Карл.

— По-твоему, лучше, чтобы печатали только гитлеровскую «Майн кампф»? — насмешливо спросил Оскар.

— Ты, старик, лучше помолчи. Тебе о спасении души молиться надо, всем известно, что ты в «красных ходил» и красного выкормыша под свое крыло взял, — угрожающим тоном произнес Карл.

Вяйно стиснул зубы, но промолчал. Он помнил наказ Эйно ни в какие споры не вступать.

— Ты нашего Оскара не тронь, — цыкнул на Карла машинист Вильхо и продолжал: — кто что хочет, тот пусть и печатает, не нашего ума дело. Мы должны о мире в нашей стране думать.

— О великой Финляндии надо думать. О Финляндии до Урала, — Карл откинулся на траву, заложил руки за голову.

— Не о великой Финляндии, а о величии Финляндии, — сказал Пааво.

И разгорелся спор. Люди торопливо допивали молоко, закручивали головки термосов, свертывали бумагу. Подошла еще группа рабочих, привлеченная возбужденными голосами. Каждый высказывал свое мнение. Вяйно слушал и недоумевал. То, что для него было яснее ясного, эти взрослые люди не понимали, блуждали, как в темном лесу.

Пааво молча набивал трубочку, уминая табак большим пальцем, и покачивал головой:

— Смотрю я на вас, слушаю и думаю, почему мы в работе все согласные, ладные. Дали нам паровоз капитально отремонтировать, и каждый делает так, как положено. Никому в голову не придет колеса разного диаметра на ось пригнать или поршень укоротить. Такой паровоз если и тронется с места, то сойдет с рельсов и опрокинет весь состав. А вот рабочий класс — тот же паровоз, а мы под него разные тележки подкатываем, в разные стороны глядим, не в ногу шагаем. Карл, тот от рабочего класса к фашистам ушел, Вильхо проповедует мир с буржуазией, потому он правый социал-демократ, Оскар хоть и с правильными понятиями, но рано в старики записался, кондуктор Сандро с коалиционерами путается, ему с крупными чиновниками лестно знаться. А наша сила в единстве, в дружбе.

Карл насмешливо спросил:

— Чего ж ты про себя не сказал, что в коммунистах ходишь?

— Нет, — спокойно ответил Пааво, — я член партии мелких земледельцев. Мне с торпарями по пути. Они так же, как и я, продают свой труд. Ну, а вот рабочей совестью я не торгую, ее никому не продаю.

Хриплый гудок, призывающий людей на рабочие места, заглушил ядовитый смешок Карла...

...Оскар Энгберг возвращался домой в пригородном поезде. Он занял место на деревянной скамейке у окна и ушел в свои мысли. Обеденный спор разбередил душу. «Карл сказал, что в «красных ходил». Значит, сейчас пооблинял. Пааво попрекнул, что рано в старики записался, в стороне стою». А было время... Углубившись в воспоминания, Оскар едва свою станцию не проехал. Поспешил к выходу, уже на ходу спрыгнул с подножки вагона. За переездом у ольхи стояла девушка с раскрытой записной книжечкой и смотрела по сторонам. Видно, нездешняя.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась она по-фински к Оскару, — как мне пройти к дому Оскара Энгберга.

— К моему дому?

— Вы... — Ирина рассмеялась. — Подумай-

те. Я вас давно ищу. Я советская журналистка, прочитала о вас в воспоминаниях Надежды Константиновны Крупской. Ваш адрес дала мне Анна Виик в архиве Народного дома. Ехала я с вами в одном вагоне, сидела напротив вас и все думала, что вас мучает, что вы так тяжело вздыхаете? — говорила Ирина, засовывая записную книжечку в сумку.

Оскар схватился за голову.

— Такое во сне может только присниться. Неужели Надежда Константиновна вспомнила обо мне? Давайте говорить по-русски. Я так давно не говорил. Так давно. Ехал в вагоне и вспоминал, все вспоминал.

Подходя к дому, Оскар и Ирина уже хорошо познакомились. Ирине не терпелось выхватить блокнот и записывать, записывать.

— Эльса, вари кофе, к нам гость из Москвы, — крикнул Оскар жене и попросил разрешения у Ирины отлучиться, чтобы переодеться и привести себя в порядок.

В обеденный перерыв рабочие устраивались на зеленом пятачке вокруг семафорного столба.

Ирина села на крылечке, торопливо развернула блокнот.

«Оскар Александрович Энгберг, 1875 г. р., родился в Выборге, финн. Отец был путиловским рабочим. Оскар учился у золотых дел мастера. Затем пошел работать учеником токаря на Путиловский. Принимал участие в забастовке. Вылил ведро воды на голову мастера-провокатора. Был сослан на три года в село Шушенское 1898—1899 гг.», — записывала Ирина то, что узнала по дороге от Оскара.

Оскар Александрович вышел в праздничном костюме и сам праздничный. Пригласили Ирину к столу.

— Как я вам завидую, Оскар Александрович! Провести два с лишним года вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, видеться с ним вот так, запросто, каждый день, это же великое счастье, — искренне вырвалось у Ирины. — Расскажите, пожалуйста, все, все, что вы помните.

Оскар Александрович пожал плечами.

— Ну, как вы познакомились с Владимиром Ильичем?

— Очень просто. Прибыл я в Шушенское. Сдали меня уряднику. Оформили, как полагается. Я спрашиваю, есть ли здесь еще политические ссыльные? Есть, говорит, семья Проминских, пятеро детей у них. Там еще живет холостой Ульянов. Мне было тогда двадцать три года, семьей я обзавестись не успел. Вот, думаю, хорошо. Два холостяка. Скучно не будет. Пошел я к нему. Подхожу к крыльцу, а мне навстречу выходит Николай Петрович. Он у нас, путиловцев, марксистским кружком руководил. Я был на занятиях раза два. «А вы как сюда попали, Николай Петрович? — спрашиваю. — Мне урядник сказал, что здесь Владимир Ильич Ульянов живет». — «А это я и есть, — смеется Владимир Ильич. — Николай Петрович — это конспиративная кличка».

Оскар Александрович отхлебнул кофе, расправил усы, улыбнулся своим далеким воспоминаниям.

Ирине же не терпелось. Ее карандаш бегал по страницам блокнота, щеки пылали от волнения.

— Ну, а как вы время проводили, чем занимались?

— Владимир Ильич работал, писал большую книгу. Но отдыхать тоже умел и любил. На охоту с ним ходили. Уток там было видимо-невидимо. Мальчишки их палками били. Владимир Ильич охоту на уток не любил, «это убой, а не охота», говорил он. Грибы любил собирать. Я грибы не признаю, а он был настоящий грибник. Рыбу в Енисее ловили. Плавали вперегонки. В городки играли. Ведь молодые были. Ох, какие молодые, — вздохнул Оскар Александрович.

— А чем вы занимались? — спросила Ирина.

— Пока Владимир Ильич работал, а работал он часов по десять в день, я болтался без дела. Что токарю в глухой деревне делать? Сельского хозяйства я не знал и не любил. Хожу по деревне, все жду, что Владимир Ильич выйдет, позовет. Потом от безделья заболел. Выпивать начал. Владимир Ильич как-то спрашивает меня, что это вы такой хмурый, нездоровится? Руки, говорю, мешают, болтаются зря без дела, поди, за три года совсем отсохнут. Владимир Ильич поинтересовался, что я умею, кроме токарного дела. Ювелир я, шесть лет у золотых дел мастера обучался. Правда, больше черновую работу делал, на рынок с хозяйкой ходил, за водкой бегал, мастерскую убирал, но кое-чему научился. «Тэк, тэк, тэк», — о чем-то думал Владимир Ильич. Зазвал меня как-то вечером домой. Будем, говорит, заниматься. И создал он марксистский кружок. Для меня одного. Ну, скажу вам, целый университет. А я к книгам не был приучен. Когда он рассказывает — все ясно, понятно, интересно. А как сам начну читать, ну как баран на новые ворота смотрю. Ничего не смыслю.

— А когда же Надежда Константиновна приехала? — спросила Ирина.

— В мае 1898 года. Ждал он ее и говорил, что заказал мне лекарство. А Енисей в тот год поздно ото льда вскрылся. Вот они где-то по пути и задержались. Владимир Ильич извелся. Каждый день ходил цветы собирать, в кувшины ставил их и говорил: «Надя любит цветы». А в тот день, как нарочно, на охоту ушел. Я совсем раскис, и охота меня интересовать перестала. Сижу на перилах крыльца, ногами болтаю. И вот подъехала к дому телега, а с нее две женщины спрыгнули. Понял я, что это невеста Владимира Ильича с матерью приехала. Ну, помог я им разгрузиться и побрел к себе. Ну, думаю, все. Теперь у Владимира Ильича семья, работа. Не до меня. Девушки у меня нет, и из местных никто не приглянулся, да и сторонятся меня, ссыльного. Пропаду теперь. А Владимир Ильич в тот же вечер за мной прислал. Прихожу, а там вся семья Проминских за столом и у всех детей в руках подарки: сласти, книжки с картинками. «Я вам лекарство привезла», — говорит Надежда Константиновна. И показывает на корзину, лицо серьезное, как у доктора, а в глазах смешинки дрожат. Я поднял корзину — ого, какая тяжелая. Раскрыл, а там набор ювелирных инструментов. «Вы теперь главный ювелир на весь Минусинский уезд», — говорит Владимир Ильич. Что правда, то правда. У местных богатеев работенка найдется и в церкви тоже. Первое, что я сделал — это обручальные кольца для Владимира Ильича и Надежды Константиновны. Правда, не золотые, а из медных пятаков. И началась у меня новая жизнь. Владимир Ильич не отгородился. Наоборот. Я стал чаще бывать у них. По вечерам собирались за чайным столом. И разговоры, и шарады, и песни, и танцы. А какая певунья Надежда Константиновна была. Сколько песен знала. Какая насмешница была.

— Да вы выпейте кофе, — приглашала Эльса, но Ирина благодарила кивком головы. Она была вся там, в Шушенском, и ясно представляла себе молодых, веселых и заряженных боль-

шой идеей и большой любовью Надежду Константиновну и Владимира Ильича.

— У вас не сохранилось каких-либо реликвий, ну подарков или записок или каких-то ваших личных вещей из Шушенского? — спросила Ирина.

— Кое-что есть, — загадочно отвечал Оскар Александрович. — Только на чердаке в опилках спрятаны. Как-нибудь докопаюсь, покажу.

Ирина загорелась.

— А нельзя ли сейчас?

— Да там опилок у меня насыпано с полметра толщиной, да и запамятовал я, где чего у меня спрятано.

— Пойдемте вместе, Оскар Александрович. Я все опилки своими руками перекопаю. Доверьте мне, я аккуратно все сделаю.

Старик сдался.

По крутой лесенке забрались наверх. Июльское солнце накалило железную крышу, на чердаке было невыносимо жарко и душно. Коричневый настил опилок покрывал весь чердак.

— Что искать? — спросила Ирина, горя нетерпением.

— Сверточки, небольшие. Вы возле дымохода пороййтесь, кажется, там я что-то упрятал, а я в тот дальний угол пойду. Там осиное гнездо. В углу чердака прилепилось овальное серое гнездо.

Ирина пересыпала в руках горячие опилки, сдувая с губ капли пота. Ее белые туфли и белая юбка пожелтели от пыли. И вот руки нащупали какой-то твердый предмет. Ирина извлекла небольшой пакет, обернутый в газету. Бумага истлела и рассыпалась в руках. Но может быть, именно это газета тех времен?

— Оскар Александрович, — с отчаянием в голосе позвала Ирина, — я что-то нашла, но это рассыпается в руках.

— Одну минуточку. Я тоже нашел. Пойдемте вниз.

Ирина осторожно несла на ладонях сверток. У Оскара Александровича в руках был сверток много больше.

— У вас в руках самая дорогая реликвия, — сказал Оскар Александрович. — Не волнуйтесь, она надежно упакована.

Ирина положила сверточек на стол, под истлевшей газетой в салфетке, ставшей коричневой на сгибах, было «что-то». Это что-то было завернуто еще в бумагу. И вот в руках Ирины маленькая, величиной в две спичечные коробки фотография на толстом картоне. Владимир Ильич! Такой фотографии Ирина нигде не встречала. Молодой Владимир Ильич с бородкой, пышными усами, с таким знакомым, необычайно чистого рисунка выпуклым лбом. Фотография стала такой же желто-коричневой, как и газета, как и опилки. Полустершимися золотыми буквами внизу вытиснено: «Ю. Мебусъ. Москва». А на обороте надпись: «Товарищу Оскару Ал-чу въ память совмѣстной жизни 1897—1900 гг.» Подписи нет. Но почерк знакомый, его, ленинский! У Ирины захватило дыхание.

— Оскар Александрович! Это же бесценное сокровище!

— Да. И это не единственное сокровище у меня. А вот еще брошюрка Владимира Ильича. И две тетради. Надежда Константиновна переводила для меня «Капитал» Карла Маркса. У них в Шушенском эта книга была только на немецком языке. Я писал под ее диктовку, а она потом исправляла мои ошибки в русском языке. Вот видите, — показал Энгберг листки общей толстой тетради, исписанные корявым почерком, и сверху правку Надежды Константиновны: легкие, изящные буквы, написанные тонким пером.

Ирина рассматривала реликвии зачарованными глазами.

— Оскар Александрович, — сказала она строго, — такие сокровища нельзя хранить на чердаке в опилках. Они там истлеют. А вдруг пожар. Или полиция нагрянет. А? Для таких реликвий есть специальное хранилище в Москве. На века. Передайте, пожалуйста, туда. Я вас умоляю.

Оскар упрямо покачал головой.

— Это же единственное, что у меня осталось. Вот брошюру и общие тетради, возьмите, а фотографию ни-ни.

— Спасибо! — обрадовалась Ирина. — Разрешите сделать с фотографии копии? Я верну ее вам завтра же.

— Я за это попрошу вознаграждение! — сказал Оскар Александрович, улыбаясь.

Ирина удивилась.

— Пожалуйста. Любую цену.

— Обижаете вы меня, Ирина, не знаю как вас по батюшке. — Цена будет такая — книга воспоминаний Надежды Константиновны Крупской.

Ирина вспыхнула. Ей было мучительно стыдно за свою оплошность.

— Простите меня, — сказала она. — Завтра вы будете иметь эту книгу.

...Ирина сидела в вагоне и крепко прижимала к груди сумку. Она боялась крушения поезда. В такси боялась автомобильной катастрофы. Не утратить бы.

На следующий день она вечером была у Энгберга. Привезла две отлично изготовленные копии с фотографии.

Пожелтевший от времени подлинник на копии получился четким, сочным.

— Да ведь копии-то получились, как новенькие, лучше настоящей. Оставьте мне обе копии, а себе возьмите оригинал.

— Я его перешлю в музей Владимира Ильича Ленина, в Москву. Это бесценный дар. И вот вам книга Надежды Константиновны Крупской. Я заложила страницы, где она пишет о вас. «Очень хороший товарищ», — написала Надежда Константиновна.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

КИМ

КИМ — это Коммунистический Интернационал Молодежи. Во многих странах после Октября были созданы передовые юношеские организации. Комсомол нашей страны выступил с инициативой создания единой международной коммунистической молодежной организации. Первый конгресс КИМа проходил с 20 по 26 ноября 1919 года в Берлине. Создание КИМа открыло новую яркую страницу истории международного юношеского движения. Владимир Ильич принял делегацию комсомола, которой предстояло в нем участвовать, а впоследствии внимательно следил за деятельностью КИМа, не раз встречался с его руководящими деятелями, давал практические советы.

II Конгресс КИМа проходил в июле 1921 года в Москве. На нем было представлено 48 коммунистических союзов молодежи, которые объединяли 600 тысяч юношей и девушек планеты.

В 1923 году на революционную борьбу поднялись болгарские рабочие и крестьяне, докеры Гамбурга в Германии. По всей стране комсомольцы устраивали митинги солидарности, создавались фонды помощи борцам за рабочее дело. Взрослым помогали и пионеры. Вот что сообщали юнкоры в журнал «Пионер»: «Пионеры города Златоуста собрали для детей Германии сгущенного молока, сахара, сала и других предметов, всего на сумму около ста рублей золотом».

«Пермские пионеры при клубе «Муравейник» собрали 70 рублей золотом в пользу германских детей».

Журнал призвал: «Пионер СССР! Помни о своих заграничных товарищах! Крепи с ними связь! Помоги им чем можешь!»

В 1924 году КИМ объединял уже свыше миллиона молодых людей.

На протяжении всей своей истории (1919—1943 гг.) КИМ выступал против войны, боролся за права молодежи, укреплял дружбу и солидарность юности планеты.

Так встречала молодежь Москвы посланцев II Конгресса КИМа в июле 1921 года.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Конец кровавой диктатуры

Летом этого года пала еще одна кровавая военная диктатура — в Никарагуа. Многолетняя героическая борьба народа закончилась победой: диктатор Анастасио Сомоса сбежал туда, где его всегда поддерживали, — в Соединенные Штаты Америки.

Еще в прошлом веке богатства Никарагуа — плодородные земли, золото, нефть — привлекли американских капиталистов. Генералы из Пентагона, посылая своих морских пехотинцев и строя там военные базы, рассчитывали держать под контролем всю Центральную Америку. Впервые войска США высадились на никарагуанской земле столетие назад. Они поддерживали и охраняли местных правителей, угодных американским монополиям, и жестоко подавляли восстания рабочих и крестьян.

Это было до тех пор, пока во главе восставших не встал Аугусто Сесар Сандино. В юности он не нашел работы в Никарагуа и отправился

искать счастья в соседние страны. На родину вернулся в 1926 году и устроился работать на золотых приисках Сан-Альбино, принадлежащих американцам. Там он и организовал первый отряд повстанцев.

В октябре 1926 года повстанцы взорвали рудник и ушли в горы. К отряду Сандино присоединились рабочие и крестьяне из других районов. Через год восстание охватило почти всю страну. Девизом патриотов стали слова, произнесенные Сандино во время одного из выступлений: «Лучше умереть патриотом, чем жить рабом!».

Борьба была нелегкой, и все же к 1932 году сандинисты освободили большинство сельских районов. В них стали создаваться крестьянские кооперативы. Американские войска были вынуждены покинуть Никарагуа.

Но фактически власть осталась у богачей — американских ставленников. Они пригласили Сандино якобы для переговоров в президентский дворец и схватили его. По приказу Анастасио Сомосы I, командовавшего национальной гвардией, Сандино был убит.

Через два года Сомоса с помощью США поднял мятеж и провозгласил себя президентом. Более сорока лет он и его семейство правили страной как своей вотчиной, грабили народ и разрешали грабить американцам. Ему принадлежало более трети всех национальных богатств.

Анастасио Сомоса I был убит патриотами, но на смену ему пришел старший сын диктатора Луис, а затем младший — Анастасио.

Борьба против диктатуры не утихала ни на минуту. В 1961 году родилась боевая организация никарагуанских патриотов — Фронт национального освобождения имени Сандино. И с тех пор пламя народной борьбы разрасталось все шире и шире. Несколько лет продолжались бои сандинистов с национальной гвардией Сомосы. Многие патриоты погибли, но жертвы не были напрасными: ненавистная диктатура в июле пала. Осуществилось то, о чем мечтал Аугусто Сесар Сандино.

Юный боец Фронта национального освобождения имени Сандино, который сейчас называется Сандинистским фронтом национального освобождения. Снимок из французского журнала «Пари-матч».

В. ПОЛЯКОВ

«Спасите нас от порки»

Участница демонстрации лондонских школьников. Вместе с тысячами своих сверстников она требует защиты от произвола учителей.

«Спасите нас от порки», — требовали дети, участники демонстрации, состоявшейся в Лондоне. В Англии до сих пор в школах не отменены телесные наказания, учителя часто пускают в ход кулаки и «любые другие предметы, которые подвернутся под руку», — башмаки, линейки, тряпки и т. д. Участники марша направились к резиденции английского премьер-министра Тэтчер и вручили ей петицию с просьбой «избавить их от палки» учителей.

Инициатор марша протеста — Национальный союз британских школьников. Представители союза заявили: «Давно пора у нас в стране запретить физическое истязание школьников. Вся Европа — исключение составляет лишь Ирландия — отказалась от подобных методов воспитания. Почему же в нашей школе все еще разрешена подобная практика?»

Г. ДАШКЕВИЧ

ПРО ИРИНУ, ФИОНУ И МИРНОЕ БУДУЩЕЕ

Лондонская больница «Бромптон». Здесь сделали сложную операцию на сердце одиннадцатилетней ленинградке Ире Судновской.

— Операция продолжалась четыре часа, — рассказал мне главный хирург госпиталя Кристофор Линкольн. — Во время операции я очень волновался: Ира наш первый русский пациент...

Семилетней Фионе Кампингс из шахтерского поселка Сетон Барн угрожала полная слепота. Английские врачи разводили руками: мы в данном случае бессильны. «Я не надеялась даже на чудо, и вдруг оно произошло», — вспоминала позже мать Фионы. «Волшебниками» оказались врачи из Московского института глазных болезней имени Гельмгольца.

Советский Союз заключил соглашения о сотрудничестве в области науки и культуры с правительствами многих капиталистических государств. Обмен опытом и знаниями между учеными разных стран помогает развивать технический прогресс, делать новые открытия, бороться с болезнями, разумно использовать богатства земли. За такое полезное людям сотрудничество борется Коммунистическая партия, Советское правительство.

М. ОЗЕРОВ

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Свободная Кампучия

Когда-то Кампучию, край лесов и гор, называли жемчужиной Юго-Восточной Азии. Но жизнерадостным трудолюбивым кампучийцам не раз приходилось защищать свою свободу и независимость от врагов.

В 1970 году власть в стране захватили продажные военные, которых поддерживали капиталисты из США. Пять лет воевали кампучийские патриоты против иноземных и собственных угнетателей. И наконец в апреле 1975 года бойцы Национального фронта освободили столицу страны — Пномпень. Американские агрессоры и их марионетки бежали из Кампучии.

Но в первые месяцы после победы в руководство освободительного движения хитростью пробрались предатели — маоисты Пол Пот и Иенг Сари. С помощью пекинских покровителей они решили переделать страну по маоистскому образцу: закрыть школы и больницы, кинотеатры и библиотеки. Они преследовали учителей, врачей, ученых, писателей, вообще грамотных людей. Детей отнимали у родителей и посылали в специальные детские лагеря, чтобы сделать из них послушных рабов.

В стране свирепствовали так называемые «красные кхмеры» — они уничтожили более трех миллионов кампучийцев.

Несмотря на всеобщую слежку и жестокие расправы, патриоты Кампучии создали партизанские отряды и объединились в Единый фронт национального спасения Кампучии. Не помогли Пол Поту ни китайское оружие, ни китайские инструкторы. Гнев народа смел их вместе с пекинскими советниками с лица кампучийской земли.

Перед народной властью страны стоят тяжелейшие задачи: надо поднимать хозяйство из руин, налаживать заново жизнь в городах, вернуть детство десяткам тысяч детей.

Трудно народу Кампучии. Но уже вновь открылись школы, больницы, магазины. В столице появилось электричество, заработали фабрики и заводы. У молодой республики много друзей из социалистических стран. Они спешат ей на помощь.

Ю. КИРПИЧНИКОВ

Индейцы тараумара

В горах Сьерра-Мадре, на севере Мексики, живет индейское племя тараумара. Индейцы занимаются земледелием и охотой, живут в дружбе и согласии с природой, стараются не нарушать ее законов. Они охотятся только для пропитания.

Индейцы живут дружно, помогая друг другу, никогда не нарушая покоя своих соседей. Подходя к чужому дому, тараумара не стучат в дверь или окно (по их представлению так поступают лишь злые духи), а громко произносят «куира» («привет»). И, если ответа не последует, уходят.

Если у тараумара случится какая-нибудь неприятность, на его лице не увидишь следов огорчения, он будет улыбаться. Улыбка — это предупреждение: не следует огорчать человека, обходиться с ним плохо.

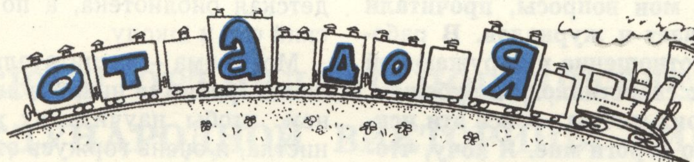

ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА

В капиталистических странах очень многие выпускники школ не могут устроиться на работу.

«Неужели и меня ждет такая же печальная участь?» — грустно думает мальчик.

Рисунок из американской газеты «Дейли уорлд».

ПЕНТАГОН — по-гречески означает пятигранник. Так прозвали огромное пятиугольное здание министерства обороны США. В этом самом богатом учреждении Америки работают 22 тысячи служащих.

А всего военный и гражданский персонал министерства обороны США насчитывает 3 100 000 человек.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ПЕХОТА США — род войск, предназначенный для десантных операций. В морской пехоте служит около 22 тысяч человек. Пентагон использует обычно эти войска во время интервенции. Так было в Панаме, Гаити, Доминиканской Республике, Никарагуа, Ливане, Таиланде и многих других странах.

МАРИОНЕТКА — кукла, которая двигается с посторонней помощью. В политическом словаре это слово имеет переносный смысл: так называют политических деятелей, покорно следующих чужой воле.

Здравствуйте, ребята!

Вот и закончилась наша общая работа над вопросами викторины. Вы спросите — почему общая? Да потому, что я с удовольствием читал все ваши работы. И радовался тому, как много вы, отвечая на мои вопросы, прочитали книг, переворошили газет и журналов. В работах вы выразили свое отношение к окружающей жизни, к жизни ваших сверстников за рубежом. Вы поведали мне о своих мечтах — все эти искренние строки особенно дороги мне. Я хочу, чтобы и все читатели «Пионера» прочитали некоторые из них.

«Сегодня я закончила свой альбом, и скоро он окажется у тебя, Викки, на столе. Спасибо за викторину! Она научила меня настойчивости. Я до этого бралась за несколько викторин, но ни одной не довела до конца. В классе я провожу политинформации — викторина и тут мне здорово помогла. И еще — в нашей школе нет КИДа. Но теперь, окончив работу над твоими вопросами, твердо знаю: КИД у нас будет».

Марина Выленок,
г. Куйбышев.

«60 лет назад на весь мир прозвучал голос революции: «Все лучшее — детям!» Это были идеи нового общества, рожденного Октябрем. Под защитой этого закона выросли мои дедушки и бабушки, мама и папа, расту теперь я.

Я живу в городе-герое Новороссийске, учусь в четвертом классе. В прошлом году мы получили новую квартиру с ванной, с горячей водой. На первом этаже нашего дома открылась детская библиотека, а по соседству строят детский сад и школу.

Моя мама — воспитатель детского сада, очень любит ребят и никогда не считается со временем, чтобы научить их хорошему. Она коммунистка, я очень горжусь этим.

У папы очень важная работа — он заведует новой техникой в нашем порту. Я так люблю бывать у папы! Ведь в наш порт приходят корабли из разных морей.

В этом году в нашей семье появится еще один человек, мой брат или сестра. Лучше бы брат! Но все равно, кто бы ни родился, я точно знаю, что малышу будет у нас хорошо».

Олег Немешаев,
г. Новороссийск.

«Когда я вырасту, буду лечить детей. Мне очень хочется, чтобы все они росли здоровыми и сильными, чтобы ко мне на прием приходили пореже. Не потому, что мне лень работать, но лучше больше заниматься с детьми лечебной физкультурой, помогать им закалиться и окрепнуть».

Света Чернышева,
г. Сочи.

«Вот закончу школу и поеду в Ленинград поступать в Политехнический институт: хочу стать инженером-строителем. А потом поеду на большую стройку, туда, куда пошлет комсомол.

А еще у меня есть мечта: пусть дружат люди из разных стран. Тогда не будет войн, а будет мир».

Миша Самончик,
г. Мурманск.

«Мне всегда делается больно, когда я читаю про детей Палестины... По-моему, самое жестокое — отобрать у ребенка родину. Без нее человек не может жить, как без сердца. Он родился и вырос на своей земле, на ней ему надо строить счастье. Отобрать родину — значит отнять жизнь».

Вика Лебедева,
г. Минусинск, Красноярский край.

«Мы, пионеры, не можем оставаться равнодушными в то время, когда на нашей планете миллионы детей погибают от голода, болезней, непосильного труда, остаются неграмотными. Наш КИД «Радуга» постоянно проводит трудовые десанты и платные концерты, а вырученные деньги мы перечисляем в Фонд мира, на строительство Дворца пионеров в Ханое, на сооружение больницы имени Нгуен Ван Чоя во Вьетнаме.

Детям Анголы мы отправили наглядные пособия для Дворца пионеров в Луанде.

Португальским пионерам — 500 значков с силуэтом Владимира Ильича Ленина.

211 книг послали на Кубу для тех, кто на острове Свободы изучает русский язык.

Мы дети интернационалистов. Наши друзья за рубежом могут быть уверены: мы с ними солидарны!»

Пионеры из КИДа «Радуга»
Дома пионеров г. Унгены Молдавской ССР.

Год встречен радостным приветом
Советской шумной детворы,
Он озарен могучим светом
Октябрьской вихревой поры...
Но где-то очень далеко
Бомбят поселки самолеты,
И города лежат в золе,
Не остывают пулеметы,
И гибнут дети на земле...
Но час придет, и все вместе
Под небом одной весны
Запоем мы о дружбе песни
И песни против войны!

Лена Гурина,
г. Урюпинск, Волгоградская область.

Я горжусь тем, что ребята обеспокоены судьбой своих сверстников, живущих в капиталистических странах. Они гневно обвиняют империалистов в угнетении детей. Свой приговор империализму — «Виновен!» — участники викторины выразили и в плакатах, и в рисунках, и в стихах. Лучшие альбомы я послал в «Артек» и в другие пионерские лагеря. Там их увидели сотни советских и зарубежных ребят.

Я с грустью говорю: викторина окончена. Мне жалко расставаться с вами, ребята. Пусть не огорчаются те, кто не завоевал никакого приза. Я уверен: все вы старались не ради награды.

Настала пора прощаться. Говорю вам «до свидания», потому что впереди у нас еще много интересных викторин.

Ваш друг ВИККИ

ЖЮРИ ОБЪЯВЛЯЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВИКТОРИНЫ ВИККИ

Абсолютными победителями викторины стали:

Володя Бойко из села Вылково Алтайского края; Люда Булыга из Луцка; Злата Миронова из Владимира; Сережа Орлов из поселка Уманный Тюменской области; Светлана Пискун из города Лиепаи Латвийской ССР.

Эти ребята побывали на Международном детском празднике в «Артеке».

Призом КМО СССР и СИМЕА — куклой Викки — награждены:

Ирада Абдулаева из Баку; Коля Арзянцев и Таня Балабушко из Волгограда; Лена Коротких из села Рулиха Казахской ССР; Алеша Сырых из Москвы; Ира Кутленкова из города Зеленодольска Татарской АССР; Олег Немешаев из Новороссийска; Света Максимова из Саратова; Юра Симонов из Барнаула и Таня Рыбак из поселка Тикси Якутской АССР.

Грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина за активную работу на маршруте «Мир и солидарность» награждены КИДы, отряды и классы:

КИД «Красная гвоздика» Приморской средней школы г. Запорожья; 3-й класс Барсовской восьмилетней школы г. Киржача; КИД «Меридиан» школы № 1 поселка Абан Красноярского края; 6-й класс «г» школы № 39 г. Уфы; отряд имени Павлика Морозова школы № 109 г. Экибастуза Казахской ССР; отряд «Орленок» школы № 156 г. Новороссийска; КИД «Глобус» школы № 3 г. Горки Белорусской ССР; КИД «Красная гвоздика» Ульяновской средней школы Ленинградской области; КИД «За мир и дружбу» школы № 24 г. Ростова-на-Дону; пятый «а» класс школы № 1 г. Великие Луки.

100 активных участников викторины награждены грамотами журнала «ПИОНЕР».

Анна МАСС

«ЕСЛИ СНЕГА НЕ БУДЕТ...»

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА.

В тот день у нас было четыре урока — пение отменили, — и мы с Аллой сразу после школы пошли к ним во двор. Алла жила в старинном доме с двумя каменными угрюмого вида мужчинами, которые поддерживали карниз над подъездом.

Казалось, им жутко надоело подпирать этот карниз, который и без них наверняка бы не рухнул, но уйти они не решаются из-за ложного чувства ответственности.

Мы с Аллой перекинули портфели через забор и сами перелезли.

Показать, как ты через забор лезешь? — спросила Алла.

Я смотрела, как она изображает меня, — топчется, сопит, высовывает язык, нащупывает ногой перекладины. Мне было ничуть не смешно смотреть на себя со стороны, но я смеялась, чтобы Алла не подумала, что мне обидно.

— Смотри, как надо! — сказала Алла, когда закончила меня изображать. — Ставишь ногу сюда, другую перекидываешь, спрыгиваешь — все!

Она пружинисто спрыгнула на тротуар, развела руки в стороны и победоносно оглянулась, как чемпионка, уверенная в победе, оглядывается на табло, где горит «пять и девять».

— Побежали к той куче! — предложила она. Снежная куча была огромная, видно, дворник сгреб сюда снег со всего двора и аккуратно обточил с боков, так что получилось вроде гигантской трапеции. Она была довольно рыхлая, и пока мы взобрались на самый верх, у меня набились полные сапоги снега.

За неимением санок, мы стали кататься с горы на портфелях. Портфели, конечно, не скользили, а только волочили за собой пласты снега, так что минут через десять от снежной трапеции осталось что-то бесформенное, истоптанное и жалкое.

Алла отбросила портфель в сторону, встала посреди бывшей кучи и крикнула:

— Стреляй!

Я сняла варежку, направила в сторону Аллы указательный палец и сказала: «Пу!»

Алла схватилась за живот, согнулась, изображая предсмертные муки, красиво рухнула и покатилась, переворачиваясь со спины на живот, — точно как в фильмах, где убивают.

— Теперь ты в меня! — сказала я, забираясь на вершину того, что еще недавно было красивой снежной трапецией. Мне захотелось также красиво рухнуть.

Но выстрела не последовало, а вместо этого за моей спиной раздался крик:

— Вот я вам уши оборву!

В первый момент я даже не подумала, что этот крик относится именно к нам: мы так весело играем, никому не мешаем. Я обернулась, ища того, кто кричал. И одновременно услышала испуганный вскрик Аллы:

— Дворник!

И вдруг мне показалось, что ожил и бежит ко мне один из тех каменных мужчин, что подпирают дом: та же борода, те же длинные волосы! Только теперь лицо его выражало не угрюмость, а самую настоящую ярость, и он успел сменить простыню, в которую был закутан, на вытертые джинсы и телогрейку.

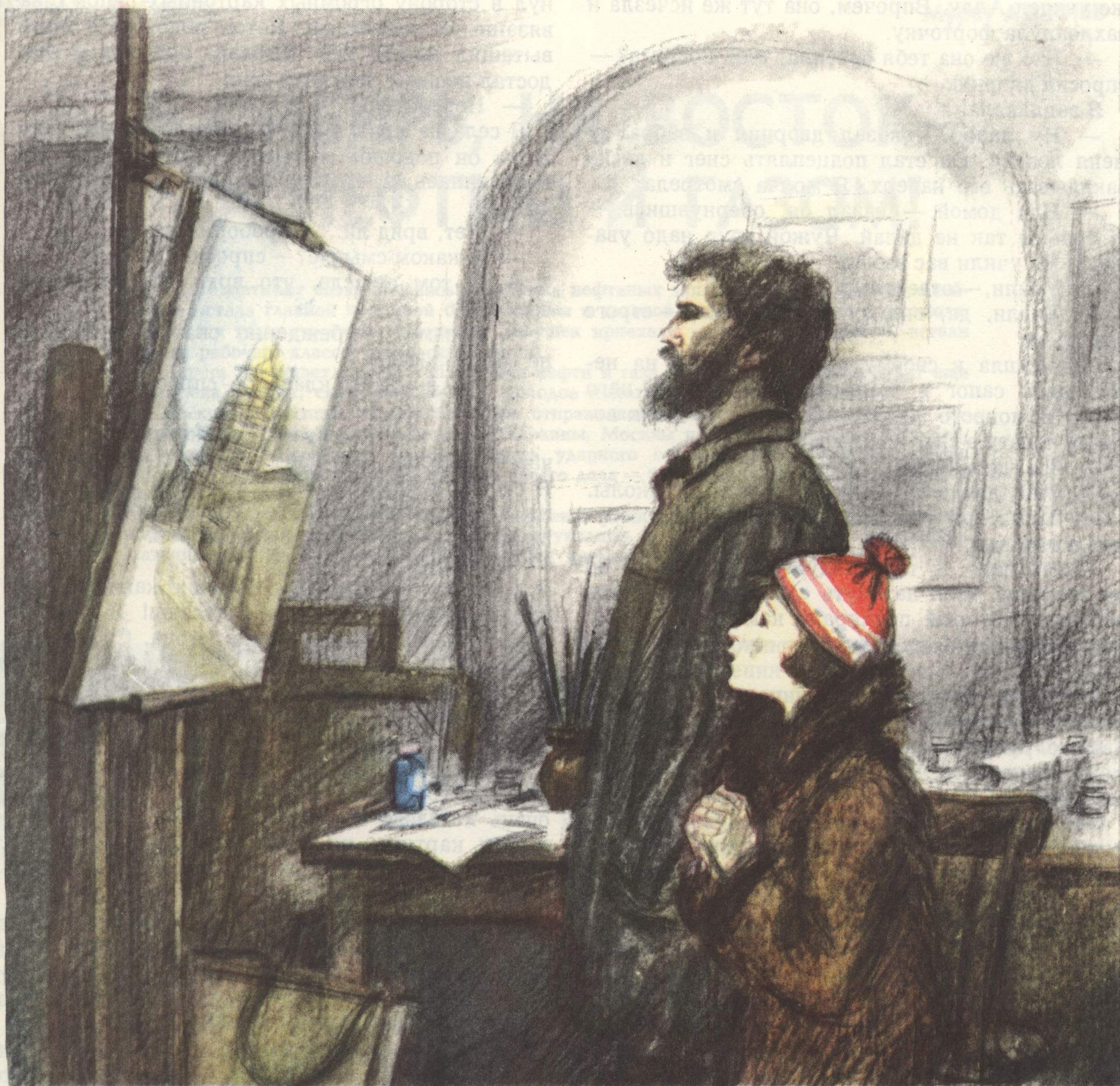
— Чего стоишь? Беги! — крикнула Алла. Она подхватила свой портфель и была уже у забора. Перекинула портфель через забор, потом в три приема перелезла сама, свернула за угол и исчезла.

Я тоже побежала. У меня колени подгибались от ужаса. Наверно, такой же ужас испытывали Мальчик-с-пальчик и его братья, когда их догонял Людоед в сапогах-скороходах.

Я успела добежать до забора. Между прочим, калитка была рядом, но мне даже в голову не пришло бежать через калитку, поскольку Алла всегда лазала через забор. Я поставила одну ногу на нижнюю перекладину, задрала другую, нащупала верхнюю. Он схватил меня за шиворот и стащил с забора.

— Нашкодила и бежать? — сказал он. — А ну, пошли.

Держа за шиворот, он повел меня обратно, к раскиданной куче снега. Он вел меня на вытянутой руке, как бы брезгливо от себя отстраняя.

На картине был изображен знакомый переулок — обветшалая церковка, магазин и уголок сквера.

Я поводила глазами направо, налево, ища даже не спасения, а хотя бы простого человеческого сочувствия.

Из подъезда вышла старушка и стала бросать на снег куски размоченного батона, которые она вынимала из целлофанового пакета. К ней со всех сторон слетались голуби и деловито клевали эти куски. Молодая женщина гуляла с ребенком, держа его сзади за концы шарфа. Я смотрела на эти мирные сценки как бы уже из другого измерения.

Дворник подвел меня к раскиданной куче, сунул в руку лопату и сказал:

— Пока не уберешь все, как было, не уйдешь! Ясно?

Я покорно взяла лопату. Взглянула на раскиданный снег и поняла, что обречена убирать его вечно. С чувством полной безнадежности я подцепила ком снега, поднатужилась, подняла и тут же просыпала вбок.

Дворник молча наблюдал, как я напрягаю свои жалкие силенки, пытаясь не то чтобы очистить закиданное снегом пространство, а хотя бы справиться с непослушной лопатой. Снег в моих сапогах растаял, и сквозь носки к ступням просочилась вода. Впрочем, теперь это не имело для меня никакого значения. Я ощутила себя одиноким муравьем, который должен сам, без посторонней помощи возвести раскиданный муравейник.

Я услышала свист. Подняла голову и в окне второго этажа увидела Аллу. Она стояла на подоконнике, а голову высунула в форточку. Обрадовавшись, что я ее заметила, она помахала мне рукой и скорчила рожу в сторону дворника. Меня только с еще большей силой охватило чувство безнадежности и одиночества. Дворник то-

же увидел Аллу. Впрочем, она тут же исчезла и захлопнула форточку.

— Что же она тебя бросила, твоя подруга? — спросил дворник.

Я заплакала.

— Ну ладно, — сказал дворник и забрал у меня лопату. Он стал подцеплять снег и легко закидывать его наверх. Я молча смотрела.

— Иди домой, — сказал он, обернувшись. — И больше так не делай. Чужой труд надо уважать. Не учили вас этому?

— Учили, — ответила я.

— Учили, да, видно, не выучили, — строго сказал он.

Я подошла к своему портфелю, села на него, сняла сапог и стала вытряхивать из него снег. От мокрого носка пошел пар. Дворник воткнул лопату в снег и спросил:

— Ты где живешь? Далеко?

— Мне двадцать минут от дома до школы.

— Тогда вот что, пошли ко мне, я тебе сухие носки дам.

— Не надо, я так дойду! — возразила я, но он заставил меня натянуть сапог и повел в тот подъезд, который подпирали каменные мужчины. Вблизи их сходство с дворником не так бросалось в глаза.

По слабо освещенной лестнице мы спустились вниз и остановились перед черной, обитой кожей дверью. Дворник открыл ее ключом, подтолкнул меня вперед — на меня сразу пахнуло теплом и табачным дымом — и повернул выключатель.

Это была большая комната, вся увешанная и уставленная картинами. В углу, в нише, стояла тахта, покрытая полосатой тканью, и стол, заваленный кистями, рулонами бумаги, деревянными планками, тюбиками и разноцветными баночками. Комната напоминала аквариум с разнообразными яркими рыбами — большими, маленькими, плывущими поодиночке и стайками, и ни одна не похожа на другую, и каждую хочется рассмотреть по отдельности.

Посреди комнаты на деревянном держателе висела небольшая и, кажется, незаконченная картина. На ней был изображен очень знакомый мне переулок. Вот обветшалая церковка, которую как раз сейчас реставрируют — она вся в деревянных лесах-помостах. Вот магазин «Овощи» и уголок скверика с занесенной снегом скамейкой. Каждый день я хожу этим переулком в школу и из школы. Мне даже показалось, что вон та фигурка на тротуаре — это я.

— Ой, ну надо же... — пробормотала я.

— В каком смысле? — спросил дворник.

— В том смысле, что мне очень нравится эта картина.

— Да? — сказал он. — Я вот думаю, может, на выставку ее предложить?

— Это вы, значит, нарисовали?

— Написал, — поправил он. — Я, а то кто же?

— Вы, значит, художник?

— Ну, не художник, а пока что студент художественного института.

— И это все ваши картины?

— Конечно, мои. И вон те мои. — Он кивнул в сторону огромных картонных папок с завязанными тесемками. Потом подошел к тахте, вытащил из-под нее чемодан, порылся в нем, достал носки и протянул мне:

— Переобуйся.

Я села на край тахты и стала стягивать сапоги, а он подошел к картине, которая так мне понравилась, и, нахмурившись, стал ее разглядывать.

— Нет, вряд ли... — пробормотал он.

— В каком смысле? — спросила я.

— В том смысле, что вряд ли возьмут на выставку.

— Возьмут! — убежденно сказала я. — Даже не сомневайтесь.

— Ты в каком классе? — спросил он.

— В пятом.

— А я вот сомневаюсь, — сказал он, помолчав. — Вообще городские пейзажи — это не мое. Я сам из деревни. У меня там родители, бабушка с дедушкой, сестра, вообще куча родни... Тебя как зовут? — вдруг спросил он.

— Маша.

— А меня — Виктор. В зимние каникулы поеду в деревню — вот там пейзажи! Я бы мог раньше поехать, если бы не погода. Снег валит и валит. Не успеешь убрать — снова навалило. Вот если на этой неделе больше снега не будет, пожалуй, смогу сдать досрочно пару экзаменов, и тогда...

Носки Виктора оказались мне почти до колен, как гольфы. Я надела сапоги и встала. Мне очень хотелось походить по комнате, поразглядывать картины, но я решила, что в следующий раз, когда принесу обратно носки. Я только немного постояла перед тем холстом с церковкой и нашим переулком.

— До свидания, — сказала я Виктору. — Простите меня, пожалуйста.

— Ладно, чего там, — ответил он. — Завтра приходи, а? Вот в этой же шубке приходи и в шапке. Я твой портрет напишу.

— Если снега не будет?

Он засмеялся и ответил:

— Ничего, все равно приходи.

...Возле забора я увидела Аллу.

— Ой, ты еще здесь? — удивилась она. — Ну, ты даешь. Я уже все письменные успела сделать. Я думала, ты удрала давно!

Мне было неловко смотреть на нее. Словно не она, а я бросила ее в трудную минуту. Но сама Алла никакой неловкости не чувствовала и продолжала поучать меня весело и напористо:

— Ты же видела, что он за мной помчался! Тебе надо было бежать в обратную сторону! За домом спрятаться, там переждать и спокойненько смыться! А ты... ой, не могу! Показать, как ты бежала?

— Не надо, — сказала я. — И вообще... Иди, делай устные.

Я вышла через калитку и отправилась домой. И все дома, фонари, деревья, троллейбусы и скамейки казались мне прекрасными, словно написанными маслом на холсте моим новым знакомым — художником.

Мурат АДЖИЕВ

В СИБИРЬ, НА ВОСТОК — ЗА НЕФТЬЮ И ГАЗОМ!

Пятнадцать лет назад началась разработка нефтяных запасов Западной Сибири, а сейчас она стала главной нефтяной базой страны и главной ударной стройкой комсомола. За эти годы сто тысяч юношей и девушек приехали на сибирскую землю, встали в ряды рабочего класса, стали сибиряками!

Теперь наступает новый этап: добыча нефти и газа на Тюменской земле будет еще увеличена. Значит, снова потребуется молодое пополнение рабочего класса.

Несколько месяцев назад в Сибирь отправились эшелоны добровольцев из Поволжья и Средней Азии, Закавказья и Украины, Москвы и Ленинграда. Это были бойцы сводного Всесоюзного комсомольского ударного отряда имени 25-летия целины. На сибирскую землю прибыли мастера своего дела — буровики и строители, шоферы и монтажники, учителя и механики.

Сегодня мы расскажем, как идет освоение Западной Сибири, как работают там нефтяники. А героев сибирских строек ты увидишь в работах народного художника Латвийской ССР, лауреата республиканской премии И. А. ЗАРИНЯ.

КРАЙ НЕПРОХОДИМЫХ БОЛОТ

Из года в год талая вода покрывает всю Западную Сибирь. А вот ручейков, звонких, журчащих ручейков я здесь никогда не замечал. Всюду — стоячая вода, ведь местность здесь равнинная.

Застоявшись в лужах, озерцах, канавах, вешние воды рождают топкие непроходимые болота, которые простираются порой на сотни, а то и на тысячи километров.

Раньше, до революции, многие земли в Западной Сибири пустовали, особенно на севере. Не селился народ — пугали болота. Только по берегам рек кое-где вырастали деревушки рыбаков и охотников. А города можно было сосчитать по пальцам одной руки.

ПРОГНОЗ АКАДЕМИКА ГУБКИНА

Академик И. М. Губкин, долго изучавший Западную Сибирь, в начале тридцатых годов выступил со смелым, неожиданным докладом. Он утверждал, что к востоку от Уральских гор залегают скопления нефти и газа.

Это предположение казалось тогда фантастикой. Но И. М. Губкин в поддержку своей гипотезы собрал множество фактов и свидетельств местных жителей.

Оказалось, что о сибирской нефти знали давно! Еще в одной из работ великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова было написано: «Каменное масло сибирское в великом множестве при реке Енисее находится».

Жители Западной Сибири еще в старину со-

«НОВЕНЬКАЯ». *И. А. ЗАРИНЬ.*

«ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ». *И. А. ЗАРИНЬ.*

бирали нефть для коптилок из черных луж и пахучих колодцев. А в предвоенные годы рыбаки одной сибирской деревеньки написали в Москву, что издавна замечали на некоторых реках большие маслянистые пятна. Около селения Юган, например, есть родничок, из которого время от времени ключом бьет темная густая жидкость...

Исследования начались еще до Великой Отечественной войны, но только в пятидесятых годах геологи, вооруженные могучей техникой, пришли в Западную Сибирь. Пришли, чтобы открыть новую Сибирь — нефтяную и газовую.

Первое месторождение природного газа было открыто в сентябре 1953 года неподалеку от местечка Березовое, затерянного среди непроходимых болот Тюменской области. Прошло еще несколько лет, и ударил мощный нефтяной фонтан близ речки Конды.

Ошеломляющие известия шли одно за другим — в год на карту наносилось несколько крупных месторождений! Сейчас известно более ста хранилищ нефти и газа под болотами Западной Сибири.

Поиски продолжаются.

НАСТУПЛЕНИЕ

Сначала нефти и газа в Западной Сибири добывали мало. И вовсе не из-за скудости запасов. Делалось это сознательно: нефть и газ нужны за сотни и тысячи километров от сибирских буровых — нужны промышленности, транспорту, стройкам европейской части страны, Урала, Казахстана.

Но как доставить туда нефть и газ из Сибири? И как завезти на сибирскую землю технику, материалы, оборудование? Дорог-то в Тюменской области в то время почти не было — ни проселочных, ни автомобильных, ни железных. Только болота, болота, болота...

Конечно, нефтяников выручала авиация, но не было надежных аэродромов, и все грузы перевезти на самолетах не удавалось.

Значит, строй дороги, аэродромы, прокладывай нефтепроводы, создавай новые виды транспорта. Такое сложное хозяйство сразу не построишь. Вот почему была составлена программа освоения природных богатств Сибири на длительный период.

ВЕЗДЕХОДЫ И ВЕЗДЕЛЕТЫ

Победить болота! А для этого прежде всего создать надежные грузовики и вездеходы, которым не страшны болота ни летом, ни зимой.

Появились первые снегоболотоходы — полуавтомобили, полувездеходы. По хлябям они проходят так же свободно, как и по асфальту. Только подмятая трава ложится им вслед. Они не тонут, потому что почти не давят на грунт.

Эта машина похожа на грузовик «Урал» с большим кузовом, высоко поставленной кабиной, выдвинутым вперед мотором. Только вместо колес у нее широкие гусеницы.

Обычный автомобиль всем своим весом давит на дорогу — три — пять килограммов на каждый квадратный сантиметр. Болото такой нагрузки не выдерживает, расползается, и грузовик погружается в трясину.

У снегоболотохода широкие гусеницы почти не давят на слабый грунт. Даже если на эту машину погрузить восемь тонн — она будет меньше давить на дорогу, чем порожний автомобиль: всего двести граммов веса на каждый квадратный сантиметр под гусеницей! Это так мало, что даже жидкая болотистая земля не расползается.

Снегоболотоходы уже работают в Западной Сибири. И не только они. Есть и другие виды бездорожного транспорта. Самые интересные среди них — на воздушной подушке.

Они как бы парят над землей, не касаясь ее, и с одинаковой легкостью проходят над болотами, озерами, реками, неся на грузовой палубе буровую вышку или целый домик для нового поселка.

Но... у такого транспорта есть один недостаток. Работать он может только на ровной по-

верхности. Овраги, леса, перелески для него непреодолимы.

Специалисты предложили использовать дирижабли-везделеты.

Гигантский дирижабль понесет над болотами, над тайгой полмиллиона тонн груза! Для сравнения скажу, что автомобиль везет от пяти до сорока тонн, в железнодорожный вагон помещается около шестидесяти тонн, а грузовой самолет поднимает до двенадцати тонн.

Несколько гигантов-дирижаблей с успехом заменят целую железную дорогу. Они смогут переносить по воздуху штабеля леса, огромные канистры с нефтью, оборудование для целого нефтяного промысла.

ЧТО ПРИДУМАЛИ НЕФТЯНИКИ

Обычные нефтяные скважины бурят с помощью шарошечных долот. Что это такое? Представь себе трубу, к концу которой прикреплен металлический «еж» с короткими, но мощными, толстыми иголками. Это и есть шарошечное долото. Мощный буровой станок крутит трубу с колючим наконечником, иголки врезаются в грунт и разрушают его.

Чем податливее, мягче грунт, тем быстрее идет бурение. А на промыслах Западной Сибири долото идет особенно легко. Ведь вся эта болотная равнина, как установили геологи,— дно древнего моря. Поэтому грунт всюду мягкий, здесь нет скальных горных пород.

У инженеров возникла мысль придумать новый тип долота, который еще сильнее разрушал бы мягкий грунт, а стоил бы дешевле «ежа».

И придумали! Резко повысили силу, с которой из долота вырывается специальный раствор для облегчения проходки. Мощная струя размывает грунт, и буровой инструмент входит в грунт, как в масло, даже без «ежа». Скорость проходки нефтяных скважин в Западной Сибири стала самой высокой по стране!

Болота заставили нефтяников и скважины закладывать иначе.

Обычно возводят много буровых вышек, целый лес. Но на болотах такой лес не поставишь. Поэтому решили — для экономии средств и для быстроты — бурить несколько наклонных скважин с одной буровой вышки.

Сперва пробуривали одну неглубокую скважину, широкую, как колодец. И со дна этого колодца бурили целый букет узких скважин, которые шли до нефтяного пласта. Поэтому и назвали такое бурение кустовым. Словно корни дерева расходились в глубь земли скважины. Пошла по ним желанная нефть.

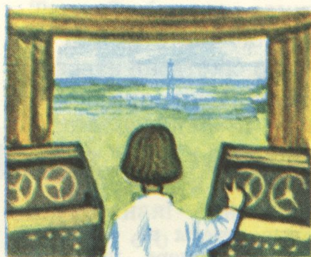
«ЗИМНЯЯ ДОРОГА». *И. А. ЗАРИНЬ.*

Но нефтяников подстерегали другие сюрпризы сибирской природы.

Весной во время паводка приходилось останавливать бурение. Рабочие уезжали, и только стаи любопытных уток и гусей кружили над опустевшими буровыми.

А что, если вышку поднять над болотом,— поставить на длинные «ноги» на площадке, как на морских промыслах в Азербайджане?

Попробовали — и с тех пор бурение продолжается и весной! Так сибирские нефтяники побеждают болота. Они страшны лишь для слабых духом. Для сильных — это испытание мужества, смелости, смекалки.

ПОМОЩНИЦА ЭВМ

Сперва на Самотлоре, а потом и на других месторождениях Сибири появились первые в нашей стране насосные станции с приборами-автоматами.

Насосную станцию обслуживают шестнадцать человек. Ведь она работает круглые сутки. Одни замеряют поступление нефти из скважин, другие следят за ее чистотой, третьи — за отправкой нефти в магистральный трубопровод.

Автоматической насосной станцией управляет один оператор в белом халате. Все операции выполняют автоматы.

Хороши станции-автоматы, удобны в работе. Но только очень трудно доставлять и устанавливать там сложные, хрупкие приборы, особенно на удаленных промыслах. И недавно изобре-

«ТАКОЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ». *И. А. ЗАРИНЬ.*

тательская мысль нашла выход — блочный метод. Вот что говорил о нем Л. И. Брежнев на XVIII съезде комсомола: «С самого начала «наступления» на Западную Сибирь был выдвинут лозунг: взять ее богатства не числом, а умением, то есть с помощью новейшей техники и технологии. И тут достигнуто немало.

Возьмем блочный метод строительства. Кстати, его разработали и внедрили молодые энтузиасты, рабочие и инженеры треста «Тюменьгазмонтаж». Суть его в том, что многие промысловые объекты полностью изготовляются на тыловых базах, в заводских цехах, а затем блоками завозятся на место, в любую даль и там монтируются.

Подсчитано: такой метод позволяет на обустройстве сибирских месторождений вчетверо увеличить производительность труда. А это экономия тысяч и даже десятков тысяч рабочих рук».

Скоро — уже не за горами то время! — появятся и целиком **автоматизированные промыслы.** Электронно-вычислительные машины будут следить за их работой.

ЕСТЬ СИБИРСКИЙ НЕФТЯНОЙ МИЛЛИАРД!

Наша страна получает сейчас с сибирских промыслов почти половину всей нефти, десятки миллиардов кубометров газа. И будет получать еще больше!

Полтора года назад сибиряки добыли миллиардную тонну нефти с начала разработки месторождений. Четырнадцать лет шли они к этому дню. Широко праздновала Сибирь эту победу. С гордостью смотрели на карту Сибири ветераны, те, кто прокладывал первые тропки в болотном краю. Города, поселки, промыслы, трубопроводы, железные дороги выросли на их глазах. Героический труд сотен коллективов советских людей привел к большим изменениям в Западной Сибири. «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом крае, — говорил на XXV съезде КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев, — это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдает дань восхищения и глубокого уважения».

Спасибо вам, нефтяники Сибири!

РЕБЯТА РАССКАЗЫВАЮТ О СИБИРИ

Самые интересные и полные ответы на «Три вопроса о Сибири» из майского номера прислали **Светлана Ушакова** из Норильска, **Гриша Староконь** из села Вознесенское Ставропольского края, братья **Айдар, Хайдар** и **Душан Рахметулины** из поселка Асу-Булак Восточно-Казахстанской области, **Наташа Гапенко** из города Молодогвардейска, **Андрей Ольхов** из города Новоаннинский Волгоградской области.

Отвечая на **первый вопрос,** ребята назвали более сорока порогов, расположенных на крупнейших сибирских реках и их притоках. Многие правильно указали, что на месте енисейских порогов — Дедушкин, Джойский и Большой — воздвигается Саяно-Шушенская ГЭС. Ушли под воду в прошлом очень опасные пороги Ангары — Братский, Падун, Пьяновский. Здесь поднялась Братская ГЭС. Вилюйская ГЭС встала на притоке Лены — Вилюе, там, где были Улахан-Ханский, Кыра-Ханский и Эрбей-Экский пороги...

За последнее время в Сибири возле новых ГЭС появились искусственные моря и водохранилища.

Отвечая на **второй вопрос,** ребята назвали самые крупные из них — Красноярское, Братское, Обское, Иркутское. За Полярным кругом возникло Хантайское море. Началось наполнение Саяно-Шушенского водохранилища, продолжает расти Усть-Илимское водохранилище.

Много интересных предложений в ответах на **последний вопрос:** где в Сибири, по мнению читателей, нужно построить атомные электростанции.

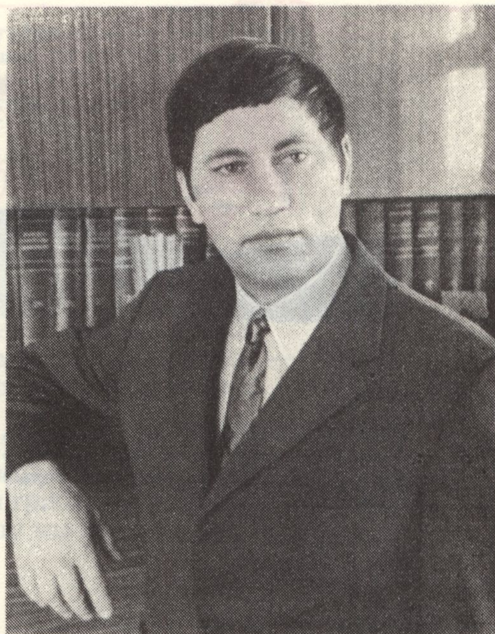
Надя Ломакова из города Мытищи Московской области пишет:

— В связи со строительством БАМа возникнут новые города, поселки, заводы. Им и нужна будет энергия АЭС.

Второклассник **Максим Зубарев** из поселка Красноселькуп Тюменской области считает, что строить АЭС надо там, где нет природных топливных ресурсов, но много полезных ископаемых.

Андрюша Ольхов предложил построить АЭС на Колыме, москвич **Саша Сергеев** — недалеко от города Ачинска, а киевлянин **Володя Медведев** — на родине Курчатова, создателя первого в мире атомного реактора. Володе хотелось бы назвать эту АЭС именем великого ученого.

ГЕРОИ ВИЛЬЯМА КОЗЛОВА

Зимой 1942 года тринадцатилетний Виль Козлов работал на прифронтовом аэродроме: помогал очищать от снега взлетную площадку для боевых самолетов.

Будущий писатель перепробовал массу профессий: работал в колхозе, на лесопильном заводе, в радиомастерской, учился столярному делу, был актером областного драматического театра, фотокорреспондентом великолукской газеты и корреспондентом ленинградской. С желтой рейкой геодезиста ходил по великолукской земле, только что освобожденной от фашистов.

Вильям-журналист встречался со многими людьми. «Каждый человек был открытием и откровением», — вспоминает он.

Так формировался и мужал его талант.

Первые произведения Вильяма Козлова были написаны для детей. Сборник рассказов «Валерка-председатель», повести «Юрка-Гусь», «На старой мельнице», «Президент Каменного острова», «Мы уходим из дома» пользуются любовью юных читателей. В этих произведениях они видят самих себя, своих друзей.

Повесть В. Козлова «Копейка» получила премию на Всесоюзном конкурсе детской книги.

Любимые человеческие черты писателя — смелость, искренность, верность слову и долгу, самоотверженность. И он воспитывает их у своих читателей.

Поражает самоотверженность юных героев В. Козлова в рассказах и повестях, посвященных Великой Отечественной войне («Шумят сосны», «Пашкин самолет»). Борьба добра и зла в них ведется непрерывно. Ребятам приходится принимать самостоятельные, ответственные решения, и, как правило, ребята с честью выходят из нравственных испытаний.

Юные герои В. Козлова — в постоянном движении, развитии, преображении. Они растут, набираются умений и знаний, мужают духовно. «Быть настоящим мужчиной не так-то просто», — говорит лейтенант в рассказе «Быть мужчиной». Это звучит как девиз. Мальчишки равняются на людей мужественных, смелых, честных. Они на собственном опыте познают, что добро должно быть с кулаками. «Синяк настоящего мужчину только украшает» — эта истина познана Ваней в бескомпромиссном сражении (повесть «Едем на Вял-озеро»).

Герои Козлова не белоручки, это люди дела. Они не только мечтают, стремятся к цели, но добиваются ее и, главное, умеют добиваться того, к чему стремятся.

Вильям Козлов получает много писем и от взрослых и от юных читателей.

«На лодке стоит мальчишка, гордо, уверенно поглядывает вперед, — описывает свои впечатления от повести «Президент Каменного острова» Таня Любимова, семиклассница из Чувашии. — И вот за этого моего друга, за Сороку, я хочу сказать писателю огромное спасибо!»

Видимо, не случайно эта повесть выдержала шесть изданий и вошла в «Библиотеку пионера».

«Прочитала я ее за один день. Какая она интересная! — писала о повести «Витька Грохотов и его компания» восьмиклассница Ира Бычкова с Волги. От нее оторваться невозможно...»

Действительно, все время напряженно следишь за приключениями подростков: за их переходом через линию фронта, за тем, как они разоблачают шпиона, помогают красноармейцам. События в повести разворачиваются стремительно. Читатель следит за ними с увлечением. Вот Витька Грохотов едва не погиб от ножа бандита... Витька спасает пассажиров поезда... Витьку арестовывают, приняв за соучастника преступления..

Мы видим, как взрослеют герои В. Козлова, как по-разному раскрываются их характеры. Жизнь отметает шелуху, делает их мужественными, честными, самоотверженными.

Владислав ШОШИН

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Павлик МИЧУРИН — саратовец, учится в школе № 5. Павлик прислал в «Кораблик» стихи, которые сочинил в 12 лет.

Разговор с Лениным

Если бы встретил я Ленина,
Руку ему бы пожал.
О наших заводах и фабриках
Все бы ему рассказал!
Я рассказал бы о БАМе,
О всех новостройках страны.
О наших героях бессмертных,
Погибших во время войны.
О наших победах в науке,
Достигнутых мирным трудом.
О том, как мы, дети России,
Под небом счастливым живем.

*

Оля ЧЕРНОВА учится в 6-м классе школы № 12 города Желтые Воды, занимается в литературной студии «Поиск».

Не забывайте край родной

Щедрая, грустная осень.
Снова дожди моросят,
Березки и клены носят
Желто-багряный наряд.

Устлан ковром шуршащим
В городе мокрый асфальт.
И хочется птицам летящим
Доброе слово сказать.

И я кричу летящим стаям,
Машу взволнованно рукой:
«От нас надолго улетая,
Не забывайте край родной!»

«Я очень люблю петь, сочинять веселые песни из школьной жизни, люблю писать стихи о природе и мужестве. Как и все, я люблю мир. Я хочу подняться к тебе на палубу, «Кораблик»!» — написала нам Оля КЛЕЗОВИЧ из поселка Жодино Минской области. Оля семиклассница, учится в школе № 5.

Нам не нужна война

По рассказам и книжкам я знаю войну,
Что сиротами сделала многих детей,
Что заставила плакать седых матерей.
По рассказам и книжкам я знаю войну.

По рассказам и книжкам я вижу войну,
Вижу стены, разорванный бомбою дом.
Дым пожарищ, чернеющий пепел кругом.
По рассказам и книжкам я вижу войну.

По рассказам и книжкам я слышу войну.
Слышу грохот орудий и раненых крик.
Слышу вздох партизан, замеревших на миг,
По рассказам и книжкам я слышу войну.

Я не знаю войны. Да зачем это мне?
Я хочу мирно жить, гимны петь красоте.
Надо мир укреплять, чтоб всегда и везде
Понаслышке лишь знали бы мы о войне!

*

«ЦСКА».
Рисунок Лени МАКСИМИШИНА, 11 лет

КРЕМЛЬ.

Рисунок москвички Тани ШИКОВОЙ, ученицы 2-го класса.

Слово Сереже ПАШИНУ, пятнадцатилетнему москвичу.

Мой вклад

Листая свежие газеты,
Читая сводки новых дней,
Я ощущаю пульс планеты,
И вижу жизнь страны своей
Я вижу шахты и заводы,
Хлеба, взращенные трудом,
Все то, что создано народом,
Все то, что Родиной зовем.
Великой битве созиданья
Наш человек без лишних слов
Свои труды, свои исканья —
Всего себя отдать готов.
Хоть слаб пока что дар поэта,
И не тверда моя рука,
Я клятву дал: Стране Советов
Пусть служит каждая строка.
Пусть светит людям вдохновенье!
Хочу я только лишь того.
Да, вклад мой мал. Но тем не менее
Я горд, что делаю его.

В студии «Поиск» занимается и Вита ДУДАРЕВА, ученица 4-го класса школы № 5. Вот ее стихотворение.

Грибы

Я вчера пошла в лесок,
Захватила кузовок.
На поляночке опята —
Очень славные ребята,
Под сосной боровичок —
Деревенский мужичок.

Завтра я опять приду,
Грибы новые найду.
Мы грибы поджарим,
Супу мы наварим.

Дина ОСТРОВАЯ живет под Москвой в поселке Пролетарский, учится в 7-м классе. Вот одно из ее стихотворений.

Ночь

Ночь в дозор крадется
С лунным фонарем.
Скоро разольется
По земле ковром.

Плащ накинет звездный,
Усыпит поля
И шепнет серьезно:
«Скоро уж заря».

Ира АРУТЮНОВА живет в городе Обнинске, учится в 9-м классе. А стихи эти она сочинила в прошлом году.

Верные признаки

Скоро снежные лебеди
Холода принесут.
В звездном небе покружатся,
С крыльев пух отряхнут.

Лепестками черемухи
Тихо снег упадет.
Осень бронзовым призраком
Незаметно уйдет.

ГОРОД У ОКЕАНА

Представь себе, что ты приехал во Владивосток и мы с тобой поднимаемся на фуникулере на крутую сопку. С ее вершины ты увидишь весь город и нашу знаменитую бухту Золотой Рог...

И вот мы на вершине. Прямо перед тобой — мыс Чуркина, направо — мыс Эгершельда, у подножия сопки улицы Абрековская, Гайдамак, Мальцевская. В этих названиях увековечены имена русских моряков, тех, кто отсюда, с берегов бухты, прорубал в тайге первые просеки-улицы, возводил морскую крепость, которой дали гордое имя — Владей Востоком...

И здесь 25 октября 1922 года Красная Армия закончила гражданскую войну. Навсегда растаяли на горизонте последние корабли интервентов.

Сегодня на высоком пьедестале, лицом к бухте стоит солдат со знаменем.

Главная улица города — Ленинская. Она протянулась вдоль бухты, и поэтому с одной стороны у нее обычные дома, а с другой — корабли. Над ними морские флаги вьются. С улицы хорошо видно, как по палубе матросы ходят. Вода от солнечных зайчиков искрится, и все кругом в движении: то буксир-букашка белое многоэтажное судно в океан выталкивает, то морской трамвай с дальних островов летит, серебристые усы волн за собой тащит. Трудятся плавучие краны. Тут и рыбный порт и торговый, а дальше на несколько километров тянется «Дальзавод». Там суда лечат...

Владивосток — город моряков, рыбаков, пограничников. На улицах большинство людей в морской форме. Одни уже побывали во всех морях от Арктики до Ревущих сороковых, другие только еще учатся. Кто в Дальневосточном высшем инженерном морском училище имени адмирала Невельского, кто в Тихоокеанском высшем военно-морском имени Макарова, а кто мореходное училище кончает.

Десятки профессий нужны океану. И почти любую можно приобрести в нашем городе. В университете готовят исследователей океана, в Дальрыбвтузе учат водить рыбацкие флотилии, в гидрометеорологическом техникуме — предсказывать погоду на море.

А сколько морских кружков для ребят! С них начинается путь в океан для многих поколений...

Как видишь, наш город славен не только своей историей.

Сегодняшний Владивосток — школа, где учится, набирается сил, мужает будущее нашего флота, его завтрашний день.

Алла НОВИК,
г. Владивосток.

ПОЛКОВОДЕЦ СУВОРОВ

Я. ГОРДИН

Рисунки Н. ГРИГОРЬЕВОЙ.

Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Державин.

Каким он был?

Когда мы думаем о Суворове, вспоминаем его портреты — небольшого роста, худенький, остролицый, хохолок торчит над высоким лбом. Тут же вспоминаются такие подходящие к этому облику чудачества — любил кричать петухом, прыгал через стулья. Вспоминаются его афоризмы: «Пуля дура, штык молодец», «Русские прусских всегда бивали…»

Все очень просто на первый взгляд. А на самом деле совсем не просто. И чтобы понять, почему же Александр Васильевич Суворов стал одним из самых выдающихся полководцев в мировой истории, надо сперва понять, что он был за человек.

У большинства великих полководцев военный талант сочетался с глубокой культурой.

Суворов был одним из образованнейших людей своей эпохи. Он в совершенстве владел французским и немецким языками, знал итальянский, польский, молдавский и турецкий. Он был блестящим знатоком военной истории, очень любил литературу, особенно поэзию, и благоволил к офицерам, пишущим стихи. Он говорил, что, если бы не призвание к военному делу, он стал бы писателем.

Суворов стремился знать все важное, что происходило в мире, — он выписывал французские, немецкие, польские газеты и журналы и возил их с собой в походах.

Как видим, под суровой и грубоватой внешностью «генерала-солдата» скрывались глубокий ум и восприимчивая к высокой культуре душа.

Суворов знал себе цену и поэтому был гордым человеком. Но в тех условиях, в которых он жил, ему приходилось свою гордость маскировать чудачествами, шутками. Когда императрица Екатерина приехала на юг России, где стояли войска Суворова, она была поражена замечательным искусством его солдат. Екатерина спросила, чем она может наградить усердного генерала. Свита императрицы ждала, что Суворов попросит поместий, денег, чинов. Но Суворов смиренно поклонился Екатерине и ответил что он задолжал за квартиру три рубля с полтиной, так вот, если матушка-царица соблаговолит этот его долг заплатить, то он будет премного доволен. Конечно, он просто издевался на царской милостью. Суворов дал понять, что ег заслуги перед Россией не так-то легко оценит Потом он говорил придворным, дурача их: «С всем промотался, хоть в петлю полезай. Да во спасибо, матушка выручила!»

Тысячи воинств, стен и затворо
С горстью россиян все побеждат
Держави

Наука побеждать

Суворов был настоящим солдатом. Недар он начал службу в восемнадцать лет не офи ром, а капралом. Он умел делать все, что д

Суворов отбивался шпа пока не подоспела помо

жен уметь солдат,— стрелять, колоть штыком, бить прикладом, рубить саблей. Не раз — когда он был уже генералом — ему пригождалось это умение...

Суворов был человеком огромной храбрости. Свидетельством тому — шесть ран. Лошадей под ним убивали многократно. Так случилось, например, во время жестокого боя на Кинбурнской косе, когда суворовские солдаты отражали сильный турецкий десант. Суворов, оставшийся без лошади, стоял впереди своих войск, отступавших под турецким огнем. Несколько турок, заметив генерала, бросились на него. Суворов отбивался шпагой, и на помощь к нему подоспел мушкетер Новиков, а потом и другие солдаты.

Потому Суворов стал великим полководцем, что он не ограничился изучением военных наук, не полагался только на свой военный талант. Он одерживал победы еще и потому, что превосходно знал жизнь, знал человеческую психологию, а это, конечно, было невозможно без его широкой образованности.

Суворов понимал, чего может он ждать от своих солдат и офицеров, и потому использовал их силы наилучшим образом.

Он мог предугадать, как поступят его противники, как будут вести себя турецкие, французские генералы и солдаты. А правильное понимание психологии противника — залог победы.

Изученный им опыт полководцев прошлого, опыт Петра I и фельдмаршала Румянцева, свой собственный боевой опыт Суворов объединил в книге, которую назвал «Наука побеждать».

Очень просты на первый взгляд главные мысли этой книги.

«Глазомер, быстрота и натиск» — вот что выше всего ставил полководец. Точный глазомер — умение оценить боевую обстановку — достояние человека с гибким, развитым, наблюдательным умом.

«Быстрота и натиск — душа настоящей войны»,— говорил полководец. Но для того, чтобы войска действовали быстро, необходимо их подготовить к таким действиям, снабдить боеприпасами, провиантом. А главное — обучить их действовать стремительно.

Своих солдат Суворов обучал без устали. Их не жалел и себя не щадил. «Легко в учении — тяжело в походе, тяжело в учении — легко в походе».

Все, что могло случиться в боевой обстановке, солдаты Суворова знали уже в мирное время.

Многие генералы того времени считали, что главное в войне — маневрирование, передвижение войск. Они думали, что одними маневрами можно до того утомить, запутать противника, отрезать его от своих баз, что война будет выиграна без боя.

Суворов утверждал, что нужно смело нападать на противника, опрокидывать его, громить.

Многие генералы считали, что нужно прежде всего захватывать крепости, города, богатые районы.

Суворов утверждал, что важнейшая цель — армия противника. Разгромил армию — выиграл войну.

Русские каре встречали янычар штыками и залпами.

При Рымнике впервые в военной истории кавалерия штурмовала укрепления.

Суворов не проиграл ни одного боя. Но всегда учил уважать военное искусство врага. «Никогда не пренебрегайте вашим противником, но изучайте его войска, его способы действий, изучайте его сильные и слабые стороны...»

Умение учить и учиться — вот основа суворовских побед.

Быстрота передвижения прекрасно обученных войск и внезапность ударов — вот основа суворовских побед.

Вера в то, что солдат не бездушная машина для стрельбы, а разумный человек, который все должен делать с пониманием, — вот основа суворовских побед.

Ум, знание, храбрость, талант, преданность России...

А теперь посмотрим, как проявлялись эти качества в сражениях.

Где меньше войска, там больше храбрых.
Суворов.

Битва при Рымнике

...Вечером 8 сентября 1789 года семь тысяч русских солдат после изнурительного марша подошли к реке Серет в Молдавии. Суворов спешил на помощь австрийскому генералу принцу Кобургу. Шла война с турками, в которой русские и австрийцы были союзниками.

На восемнадцатитысячную армию Кобурга надвигались сто тысяч турок, и австрийский военачальник умолял о скорейшей поддержке, посылая гонца за гонцом.

Суворов рассчитывал найти мост через Серет, который должны были построить австрийцы. Но моста не было. Он по ошибке был построен в пятнадцати верстах выше по реке.

Темнело. Лил холодный дождь. Полки двинулись вдоль реки. Шли по колено в грязи, но не сбавляли скорости движения. Все знали: в любой момент огромные полчища турок могут напасть на австрийцев и раздавить их...

Переправиться через реку, вздувшуюся от дождей, удалось только на следующее утро. Суворов торопил солдат. Он знал, что, если турки поступят разумно и решительно, русская дивизия не успеет помочь союзникам. Но турки медлили...

Рано утром 10 сентября 1789 года русский кавалерийский авангард достиг австрийских позиций. А вскоре подошел и Суворов с пехотой. Ему разбили палатку, навалили туда сена. Лежа на пахучем колком сене, полководец ждал принца Кобурга. Кобург прискакал, стал благодарить Суворова за своевременное прибытие, но тот, не слушая, обнял его, потащил на сено и развернул перед смущенным австрийцем свой план боя.

Кобург уже сражался вместе с Суворовым

Измаил считался неприступным, пока его не атаковал Суворов.

при Фокшанах, но никак не мог привыкнуть к его боевым приемам. По всем правилам, если противник превосходит числом, то надо обороняться, строить укрепления. А русский генерал требовал, чтобы двадцать пять тысяч русских и австрийцев атаковали стотысячную турецкую армию! Да еще стоявшую в укрепленных лагерях!

После долгого спора Суворов, потеряв терпение, объявил, что ежели Кобург не согласен с его планом, то русские одни нападут на противника и разгромят его. Тут Кобургу пришлось согласиться.

До вечера войска отдыхали, а как только начало темнеть, двинулись в сторону трех турецких лагерей. Полки шли под яркими южными звездами. Шли совершенно бесшумно. Суворов специально обучал этому искусству своих солдат. Семь тысяч пехоты, кавалерии, артиллерии подошли вплотную к противнику так, что турки ничего не заметили. Австрийский корпус двигался рядом с русским.

Когда рассвело, турки с изумлением увидели перед собой наступающие каре. Один из главных принципов Суворова — внезапность нападения — был осуществлен.

Каре — боевой пехотный четырехугольник — прежде использовался для обороны, главным образом, против кавалерии. Это была живая крепость. Но Румянцев, а за ним Суворов стали использовать каре и для наступления. Суворов и здесь действовал изобретательнее своих предшественников — он строил в каре не только дивизии и полки, как Румянцев, но и батальоны и роты. И это, как мы сейчас увидим, давало прекрасные результаты.

Линия русских каре грозно надвигалась на укрепленный лагерь Тырго-Кукули, в котором засело двенадцать тысяч турок. Идти приходилось по кукурузным полям, по лугам, заросшим густым, высоким бурьяном. Крупнокалиберные турецкие орудия били ядрами. Но каре шли все быстрее.

С трудом перейдя глубокий овраг, русские захватили батарею, защищавшую подступы к лагерю.

И тут с ужасающими завываниями навстречу наступавшим вылетели четыре тысячи турецких кавалеристов — спагов. За их спинами на крупах коней сидели янычары, вооруженные острыми, как бритва, тяжелыми ятаганами и кривыми кинжалами.

Спаги ринулись на русскую кавалерию, огибавшую овраг, а янычары, спрыгнув на землю, яростно атаковали центральное каре. Гренадеры встретили их залпами и штыками, но янычары наседали. И тут проявилась вся выгода небольших каре. Соседнее каре, в котором шел Суворов, выдвинулось вперед и открыло плотный огонь во фланг атакующим туркам. Ударили и легкие орудия, находившиеся в каре.

Затем оба каре сблизились, и янычары оказались между двумя стенами штыков.

Спаги между тем сумели опрокинуть русскую кавалерию, но теперь, когда янычары терпели поражение, им ничего не оставалось, как спасать их. Янычары в панике прыгали на лошадей вернувшихся спагов, и вся турецкая орда отхлынула.

Лагерь Тырго-Кукули пал.

Суворов немедленно двинул союзные войска дальше, чтобы разбросанные на большой площади отряды турок не успели соединиться. Тогда турецкий главнокомандующий бросил двадцать тысяч спагов в интервал между русскими

и австрийцами. И русские и австрийцы мужественно встретили атаку. Но спаги в ярких одеждах, сверкая кривыми саблями, мчались напролом на своих великолепных лошадях. Австрийцы дрогнули. Их гусары и уланы пытались контратаковать, но без успеха. Турки рвались вперед.

И снова Суворов сманеврировал своими каре так, что атакующие попали под губительный перекрестный огонь. А во фланг им ударила оправившаяся австрийская конница. Турки отступили.

После жестокого боя союзные войска подошли к главному турецкому лагерю, где сосредоточились основные силы. Наступала решающая минута сражения...

Фланги турецкой позиции прикрывались заболоченными оврагами. Атаковать приходилось с фронта.

Турки рассчитывали, что, пока русская пехота будет двигаться к лагерю по открытому пространству, их артиллерия нанесет атакующим огромные потери и обескровит наступающих.

Однако Суворов, верный своему правилу, поступил так, как противник не ожидал. Русская артиллерия, приближаясь вместе с линией каре, своим огнем почти подавила турецкие батареи. А затем произошло нечто небывалое. По команде Суворова русские и австрийские каре, не сбавляя хода, раздвинулись, и в интервалы выдвинулась конница. Турки не понимали этого маневра — перед укреплениями конница была бессильна.

Но вдруг — по сигналу — кавалеристы союзников ринулись вперед по всей линии. Бешеным галопом покрыв расстояние до лагеря, валы которого были невысоки, а отчасти недостроены, они на всем скаку ворвались в лагерь и врубились в толпы янычар!

Турки никак этого не ожидали, но сопротивлялись яростно. Однако, когда казаки сковали на флангах спагов, а союзная пехота с громовым «Ура!» хлынула через валы, янычары поняли, что дело гиблое, и бросились бежать...

Турецкий главнокомандующий метался на коне среди бегущих толп, заклиная своих воинов именами мусульманских святых остановиться и драться, угрожая им, даже приказал артиллерии стрелять по бегущим — ничего не помогло. Турки были не только сбиты с позиции — они были подавлены нравственной стойкостью противника, его стремительностью и необычайностью его действий.

Это был разгром... Мощная турецкая армия перестала существовать как боевая сила.

Быть везде первым в мужестве строгом.
Державин.

Продолжение пути

Недруги Суворова говорили, что все его победы кончатся, как только он вместо неорганизованных турецких толп столкнется с настоящей военной силой.

Но предсказания эти не оправдывались.

Вот оказалась перед Суворовым мощная крепость Измаил, которую военные специалисты считали неприступной. Это были не пешие и конные орды. Это была каменная твердыня, укрепленная европейскими инженерами, снабженная многочисленной артиллерией. Но Суворов и на этот раз поступил так, как мог поступить только Суворов. Он не стал устраивать многомесячную осаду по всем правилам военного искусства. Он быстро подготовил своих солдат и атаковал Измаил — внезапно, стремительно, со всех сторон. И неприступная крепость пала.

Во время знаменитого итальянского похода Суворов встретился на боевом поле с лучшей европейской армией того времени — полками республиканской Франции. В жестоких сражениях при Адде, Треббии и Нови Суворов разгромил прославленных французских генералов Макдональда и Моро.

Традиции Суворова оказались «наукой побеждать» и для следующих поколений русских полководцев и солдат. Суворову не пришлось столкнуться с Наполеоном. Но разгромил Наполеона ученик Суворова — Кутузов. Костяк русских дивизий, сражавшихся с французами в 1812 году, составляли суворовские ветераны...

В тяжелое время Великой Отечественной войны был учрежден орден Суворова, которым награждали особо отличившихся полководцев.

Там, где была победа, — там был Суворов.

В битве при Нови гренадеры Суворова встретились с сильнейшей в Европе армией.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«Что ж будет памятью поэта?..»

Ал. ОСПОВАТ

Русским поэтам прошлого века часто выпадала судьба короткая и горькая. И все же, вспоминая Александра Ивановича Полежаева, до сих пор удивляемся тому, сколь настойчиво и непрерывно жизненные обстоятельства его преследовали; тридцать три прожитых года — и наперечет беспечальных дней. Даже в детстве.

Полежаев родился в 1804 году. Незаконнорожденный сын пензенского помещика, он не знал сердечной заботы окружающих и не обрел пристрастия к дому, в котором рос. В 1816 году будущего поэта отвезли в Москву и определили в пансион. Здесь отроки должны были приготовляться к поступлению в университет, но задача эта не выполнялась.

Я думаю, что всем известно,
Что значит модный пансион.
Итак, немногим будет лестно
Узнать, чему учился он,—

так позднее писал Полежаев о герое своей поэмы «Сашка», во многом автобиографической. В 1820 году Полежаева зачислили в Московский университет, но поскольку он не был дворянином, то его приняли только как вольнослушателя. В университете он проучился шесть лет: то было время, когда мысль о свободе все глубже укоренялась в сознании русского общества, когда стихи Кондратия Рылеева требовали от читателя деятельного размышления о судьбе родины. Молодежь обеих столиц жадно вбирала новые идеи, и именно в студенческих кружках получал Полежаев высшее гражданское образование.

Полежаев не участвовал в восстании декабристов, но, конечно, он очень остро пережил то, что произошло на Сенатской площади Петербурга. В 1825 году он написал поэму «Сашка», в которой вольнолюбием и молодой смелостью дышит каждая строка.

Но ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цепями,
Отчизна глупая моя!
Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей,
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей?

Полежаев совсем не собирался показывать поэму кому-либо из посторонних и тем более печатать «Сашку». Но на его беду о поэме прознали власти. И вот 28 июля 1826 года поэта, месяц назад окончившего университет, доставили в Кремль, к императору Николаю I, который приехал в Москву на коронацию. Николай задал вопрос Полежаеву: он ли сочинитель «Сашки»? Полежаев не отрекся, и тогда ему было велено прочесть поэму вслух. О том, что случилось тогда, поэт рассказывал Александру Ивановичу Герцену. В «Былом и думах» Герцена мы читаем:

«Волнение Полежаева было так сильно, что он не мог читать. Взгляд Николая неподвижно остановился на нем...

— Я не могу,—сказал Полежаев.

— Читай! — закричал высочайший фельдфебель.

Этот крик воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь.

Сначала ему было трудно читать, потом, одушевляясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца.

— Что скажете? — спросил Николай по окончании чтения.— Я положу предел этому разврату, это все еще следы, последние остатки; я их искореню».

Понятно, о каких «следах» говорил император: всего две недели миновало со дня казни пятерых руководителей декабрьского восстания.

По воле императора Полежаеву предстояла долгая солдатчина. Проведя год унтерофицером в Бутырском пехотном полку, поэт совершил побег в Петербург. И хотя он

сам вернулся в полк, поняв, что в России не ускользнуть от всевидящего государева ока, военный суд приговорил Полежаева к разжалованию в рядовые. Одно за другим на него сыпались наказания. Навсегда запомнились поэту подвалы Спасских казарм:

И против нар вдоль по стене
Доска, подобная скамье,
На двух столпах утверждена.
И на скамье той у окна,
Броней сермяжною одет
Лежит вербованный поэт.
. . . .
Здесь триста шестьдесят пять дней
В кругу плутоновых людей [1]
Он смрадный воздух жизни пьет
И самовластие клянет.
Здесь он во цвете юных лет,
Обезображен, как скелет,
С полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской...

В начале 1829 года Московский пехотный полк, в котором служил Полежаев, отправился на Кавказ, где шла война. Совсем недавно был обнаружен наградной список, составленный в апреле 1831 года. О Полежаеве здесь сказано: «...В сражениях 15-го, 17-го и 19 чисел генваря сего года при Автуре, Гельдигене и Кулиш-Юрте, находясь постоянно в цепи застрельщиков, сражался с примерной храбростью и присутствием духа».

Военные будни не только закалили Полежаева, его буйную, невоздержанную натуру; в эти годы окреп и его поэтический талант. Кавказ исстари волновал воображение русских писателей, воспет он и Полежаевым. Но в стихотворениях его и поэмах этот край запечатлен таким, каким он ощущался усталым солдатом, отовсюду ждущим опасности. Живописные «каскады, горы и стремнины» — прежде всего поле боя, может быть, и последнего.

Верхи Андреевой горы
Давно сокрылись для отряда;
Ясней туманная громада,
Сырее влажные пары
. . . .
. . . . . . Залп огней
Раздался вдруг из камышей...
Покойно, тихо, без ответа
На ласку вражьего привета
Плывут и едут казаки...

Когда в 1833 году Полежаев вместе с полком вернулся с Кавказа, у него появилась надежда на то, что ослабеет «судьбины гнев», постоянно его настигавший. В Москве он сходится с писателями, художниками, людьми театра: он чувствует дружеское внимание и поддержку. Новое поколение студентов Московского университета восторженно приветствует поэта: «...Я встрепенулся при этом имени, столь дорогом для тогдашних студентов...» — вспоминал о встрече с Полежаевым товарищ Герцена и Огарева Н. М. Сатин.

Его стихи, не теряя в смелости, становятся точнее, увереннее, объемнее.

И тихо все... Судьба вселенной
Погружена в глубокий сон;
Один булат окровавленный
Предпишет с утром ей закон.

Но надежды обманули поэта: болезнь и нужда торопили смерть. 16 января 1838 года Полежаев скончался.

Еще на Кавказе он заглянул в далекое будущее, и верно предсказал его:

Что ж будет памятью поэта?
Мундир?.. Не может быть!.. Грехи?..
Они оброк другого света...
Стихи, друзья мои, стихи!

[1] Плутоновы люди — обитатели подземелья.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Что выражают частицы?

Ученик. Дыхание.

Оксана Мелицкая,
г. Стерлитамак.

* * *

Учитель. Назовите слово, родственное слову «гусь».

Ученица. Гусеница.

Лена Задорнова
и Наташа Михайленко,
Курганская область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Расскажи нам, Лариса, о своей любимой книге.

Лариса. Моя любимая книга «Всадник без головы», зовут его Дон Кихот...

А. Глазова,
Краснодарский край.

НА УРОКЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ

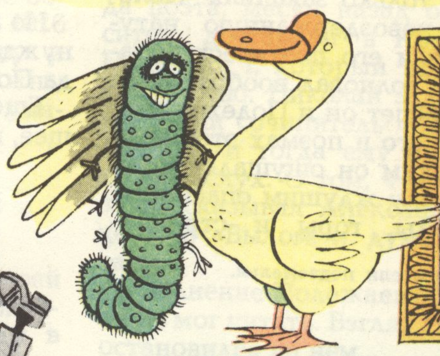
Учитель останавливает идущего на лыжах мальчика:

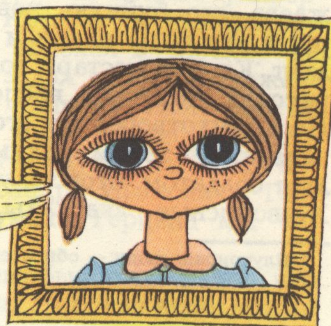
— Ты идешь неправильно. Как я тебя учил? Вспомни...

— Одна нога бежит, другая ее догоняет.

Лена Костылева,
г. Смоленск.

Из школьных сочинений

«Утром к моей избушке подкатил прохожий».

«Лицо у нее было загорелое с большими зрачками».

«Я вышел на улицу, и меня схватил дед Мороз».

«В библиотеке стоял стол и ребята, заваленные книгами».

«Татьяна сводила с ума всех русских писателей».

«Антонов гаркнул громким шепотом».

«Девочка вышла во двор и увидела, что все бело, даже ее черная шубка».

«Когда мы много читаем, то у нас расширяются мозги».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Книги с «Золотой полки»

«Золотая полка» — эта та, на которую ставятся любимые книги»,— сказал писатель Юрий Олеша.

У всех ребят, которые любят читать, обязательно есть такая полка. У одних — самая настоящая с настоящими книгами, а у других — придуманная, на которую так хочется поставить свои самые любимые книги. «Любимая книжка — это друг на всю жизнь,— пишет Наташа Ульянова из Ташкента.— Друг, о котором хочется рассказать всем-всем».

Вот несколько рассказов ребят-книголюбов о самых любимых книгах — о книгах с «Золотой полки».

И В ПАМЯТИ, И В СЕРДЦЕ...

Есть книги, которые хочется перечитывать много раз. У меня есть такая книга, она называется «Народы России о Ленине». Она на всю жизнь останется одной из моих любимых книг, потому что в ней рассказывается о нашем великом вожде — Ленине. Он всегда будет жить в памяти и сердце всего народа. Авторов у этой книги — более ста, и почти каждый из них видел Владимира Ильича Ленина, слышал его или разговаривал с ним. Я так завидую им: разговаривать с самим Лениным!

Иногда я думаю, а что бы я сказал Владимиру Ильичу, если бы мне посчастливилось с ним разговаривать? Наверное, рассказал бы о том, что мы, дети, живем весело и интересно. Ведь Ленин мечтал о том времени, когда все в нашей стране будут сыты, одеты, обуты, грамотны, будут на совесть трудиться и счастливо жить. И это время пришло.

Володя Медведев, 6 класс, г. Смоленск.

Я МЫСЛЕННО С НИМ РАЗГОВАРИВАЮ...

На моей «Золотой полке» стоят книги о самом дорогом и сокровенном, и среди них рассказы Юрия Яковлева. Они о взрослых и детях, о добре и мужестве.

Мой самый любимый рассказ — «Струна от лиры». В этом рассказе нет каких-либо ярких событий: не идет бой, не горит хлеб, не спасают малышей... Главный герой рассказа погиб много лет назад во время войны. Он был военным музыкантом — играл на лире. На стене висит его фотография, и Наташа, его внучка, смотрит на фотографию деда и разговаривает с ним, доверяя ему самые сокровенные мысли.

Над моим письменным столом тоже висит фотография семнадцатилетнего парнишки, погибшего от рук фашистских палачей. Когда мне бывает трудно, я смотрю в мягкие спокойные глаза моего друга, с которым я никогда не встречалась. Иногда я мысленно разговариваю с ним. Мне кажется, он слышит и понимает меня, и мне становится легче.

Тамара Стрельбицкая, 7 класс, г. Москва.

ПРО ДВУХ ПОДРУЖЕК... И ПРО МЕНЯ

Моя любимая книжка — повесть Любови Федоровны Воронковой «Подружки идут в школу». Это повесть о Тоне и Аленке. Они живут в колхозе, помогают убирать хлеб, сторожить его, собирают колоски, слушают рассказы дедушки о перелетах лебедей, журавлей, ласточек...

Я, как и Тоня и Аленка, тоже собирала в саду яблоки, делала из красных ягод рябины бусы и провожала улетающих птиц. Я тоже люблю птиц. Перед окном нашего дома растет рябина. Осенью к рябине прилетают свиристели. На окне висит кормушка, зимой к ней слетаются воробьи и синицы.

Когда я читала повесть «Подружки идут в школу», то заметила много общего между мной, Тоней и Аленкой. Мне показалось, что эта повесть не только про двух подружек, но и немножко про меня.

Алла Пылева, 3 класс, г. Воронеж.

ОБ ОТВАЖНЫХ МАЛЬЧИШКАХ И УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

Раньше я не очень любил читать, а теперь, если попадется хорошая книжка, то читаю ее залпом, не отрываясь. Однажды зачитался до двух часов ночи. Мама даже перепугалась, когда увидела, что я читаю ночью. И вы знаете, какую книжку я читал тогда? «Кортик» Анатолия Рыбакова. Так интересно читать о том времени, когда только создавались первые пионерские отряды и еще не были ликвидированы остатки контрреволюционных банд. Эта книга буквально захватывает. Читаешь, и хочется поскорее узнать, что же было дальше, у кого окажется кортик и кому достанется клад. Мне бы очень хотелось стать таким же смелым, справедливым и умным, каким был главный герой книги — Миша.

Я хочу, чтобы и другие ребята прочитали эту книгу, потому что она учит ценить дружбу, быть храбрым и находчивым.

Антоша Лавров, 9 лет, Московская область, г. Балашиха.

* * *

Ребята! Напишите, какие книги стоят на вашей «Золотой полке»!

А я вам не советую!

„СВЕТИК САВИШНА"

Л. УСПЕНСКИЙ

Рисунки **А. ВОВИКОВОЙ.**

У великого композитора Модеста Мусоргского есть произведение, которое так и называется — «Светик Савишна». Интересно, почему гениальный музыкант выбрал такую необычную форму отчества? Мы привыкли как будто к другим окончаниям: «Петр-ОВ-на», «Валери-Е-ВНА», «Гаврил-ОВ-НА»... Откуда же здесь это странное «-ишна»?

Среди наших русских имен мужского рода (а ведь отчества образуются только от мужских имен) очень многие оканчиваются на твердый согласный звук: ИваН, СтепаН, ВиктоР, ПетР. Есть другие имена, тоже достаточно распространенные, где на конце стоит звук «Й»: Еремей, Тимофей, Сергей, Алексей. Отчества и от тех и от других образуются сходно: в первом случае на месте твердого согласного появляется характерное завершение «-ович» или «-овна». Во втором «Й» исчезает, заменяясь сходной концовкой «-евич» или «-евна».

Существуют — не знаю, обращали ли вы внимание на это? — мужские имена, оканчивающиеся на гласный «а». Многие из таких имен широко распространены и вам наверняка знакомы — НикитА, КузьмА, СаввА, ИльЯ, ФокА, ФомА.

Как образуются отчества от них? В том-то и дело, что их можно образовать двумя способами — правильным и неправильным. Неправильно поступать с этими именами так, как со всеми другими: отбрасывать звук (или букву) «А» и вместо нее прибавлять характерное для отчества окончание «-ОВИЧ» или «-ОВНА», «-ЕВИЧ» или «-ЕВНА». Легко представить себе, что получится: «Здравствуйте, Матвей ЛУКОВИЧ!», «Взаимно, Николай ФОМОВИЧ!», «Не слыхали ли, как поживает Кузьма КУЗЬМОВИЧ?»

Давайте лучше остановимся: таких отчеств русский язык не знает и знать не желает. А как доказать, что прав я?

Достаю с полки толстый справочник. Он так и называется: «Справочник Союза писателей СССР». Здесь на 730 страницах перечислены с их именами и отчествами больше восьми тысяч членов нашего писательского Союза. Можно выписать из этого списка всех тех, чьи отцы носили те самые имена на «А» или «Я», которые нас заинтересовали.

Я не поленился и такой список составил. Числится в моем перечне шесть Никитичей. Среди них замешались и четыре НикитОВича.

Но, если попристальней вглядеться в этих «-овичей», нетрудно установить, что все они украинцы. А в словарях украинских имен можно узнать, что от украинского имени Микита отчество образуется именно так: Микитович и Микитівна. Это совершенно законно; в каждом языке свои правила. Вот только далеко не всегда можно одобрить произвольный перенос их из одного языка в другой: хорошо, если украинцы нашего Никона зовут по-своему НІКІН. Но нам, русским, совершенно незачем дочку Никона именовать Ніконівной. Мы скажем «Никоновна» и будем правы так же, как правы украинцы, обращаясь к дочери Никона по-своему.

Я еще не встречался с человеком, которого звали бы, скажем, «Петр Лукович» или «Григорий Фомович». А вот детям Саввы не повезло. Даже в «Справочнике писателей» мне попались два «Саввовича», среди семи законных «САВВИЧЕЙ».

Вы прочитали все это. А какие выводы?

Когда вы встретите человека, про отца которого будете знать, что он носил имя, оканчивающееся на «а», напоминающее по форме распространенные женские имена, не образуйте от него отчества на «-ОВИЧ» и «-ОВНА». Помните твердо, что такие имена в нашем языке дают отчества на «-ИЧ» и «-ИЧНА». При этом в разговорном языке звук «Ч» легко и просто переходит в «Ш». Именно поэтому в заглавии романса М. Мусоргского, в котором бедняк неудачник обращается к дорогому ему «соколу ясному» «Светику Савичне», он и называет ее по-народному «СавиШной», а не «СавиЧной».

Видите, как много скрывается даже за таким простым «кусочком языка», как самое обыкновенное отчество.

Н. НАДЕЖДИНА

ПЕРО И КИСТЬ

На всех стенах — от пола до потолка — детские рисунки к произведениям Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Не каждому выпадает честь устроить выставку в зале музея Льва Толстого. Ребята изостудии Дворца пионеров Ленинского района Москвы эту честь заслужили.

Слово их руководителю, художнику и педагогу Ю. С. Злотникову.

Юрий Савельевич ЗЛОТНИКОВ. В нашу студию принимают без экзаменов. Все зависит от желания ребят войти в мир искусства. У нас

нет сильных, средних, слабых — работа каждого достойна уважения. Трудиться — это все равно как дышать, а творческий труд — это радость. Детские рисунки — не иллюстрации к прочитанным книгам. Это для ребят продолжение жизни, познание жизни. Главное — сам творческий процесс. Ребята у нас в студии разные, кто психолог, кто романтик, и я, педагог, обязан понять характер каждого. Студия — дружный коллектив, здесь, как в театре, очень важна общность творчества. Ребята спорят, ищут, думают вместе. Живопись — одна из форм мышления.

О чем же, написанном пером классиков, размышляют ребята с кисточками в руках?

Володя Кузнецов, Раджу Карки и «Лгун»

Двух юных художников заинтересовал толстовский «Лгун». Один, Володя Кузнецов, нарисовал лгуна, который, преследуемый волка-

ми, мчится к избе, где мужики пьют чай, уже не откликаясь на его отчаянные вопли.

В этом чаепитии, в лихо задранных хвостах скачущих по зеленой траве волков — озорная, чисто русская усмешка.

У Раджу Карки другие краски — желтые, коричневые, цвета сожженной солнцем травы. Степной простор, вдали горы; волк с опущенным хвостом приближается к лгуну неумолимо, как заслуженное наказание. Раджу внес в рисунок свой национальный колорит. Раджу родом из Непала, но живет и учится он в Москве, в этом году вступил в пионеры.

Раджу. В Непале я тоже слышал рассказ про лгуна, но есть разница. У Толстого лгун три раза кричит «волк!», на третий ему уже не верят. У нас три раза верят, на четвертый больше не верят.

Ю. С. Злотников. У вас, что же, больше терпения?

Раджу. Может, и больше. Но всякое терпение лопается.

Рисунки разные, но смысл рассказа мальчики поняли одинаково: на лжи и обмане не проживешь.

Катя Литвиненко и «Муму»

Новые поколения по-новому воспринимают классику. В рисунке семилетней Кати к тургеневской «Муму» нет того, что было главным для наших прадедушек и прабабушек, читателей XIX века, нет пассивного сострадания и чувствительности. Катя протестует, ее Герасим грозен. Перед ним, великаном, вся челядь — словно карлики, не люди, а людишки, мелочь.

На Катином рисунке немой Герасим кричит. Кричат его глаза, кричит каждый волосок бороды.

И в этом справедливом гневе рождается новый человек, взбунтовавшийся против тех, кто его поработил, отнял единственную радость, обрек на смерть несчастную Муму.

Ушли в прошлое самодурки барыни, распоряжавшиеся судьбой крестьян. Но пока еще

есть на свете бесправие, насилие над человеком и жестокость, Катин немой Герасим будет кричать.

Дима Пасечник и «Арап Петра Великого»

В студии ребята чувствуют себя свободно и раскованно. А это необходимое условие для творчества. Один из примеров такой раскованности — рисунок Димы, где на фоне корабельных мачт Петр I запросто, как с новым соратником, беседует с арапом Ибратимом.

В романе этой сцены нет, но в жизни она, безусловно, была. Порукой тому пушкинские строки об «огромной мастерской», какой показалась Россия приехавшему из Франции Ибрагиму.

Десятилетний художник сумел передать дух петровской эпохи, пленившей Пушкина размахом своих дел.

Перекинуть мостик в историю ему помогли привычные очертания подъемных кранов, фабричных труб, которые он видит каждый день. Ведь начало тому, что в наш век техники видит современный мальчик, было положено во славу великого народа в «огромной мастерской», России петровских времен.

Маша Козаровецкая и «Холстомер»

Не так-то просто нарисовать литературного героя. Наташа Ростова не станет тебе позировать, Николенька Иртеньев не посещал ваш класс. Надо увидеть невидимого, думать его мыслями, вживаться в его образ.

А как вжиться, если герой — лошадь Холстомер?

Маша. Толстой писал о лошади, а думал как

бы о человеке. То, что я поняла и почувствовала, читая «Холстомер», я постаралась выразить в красках.

С удивительной тонкостью и проникновенной любовью семиклассница написала серию акварелей от розового детства жеребенка до последних дней седого от старости коня, где краски, по словам Маши, «сине-серые, тусклые, словно замороженные».

Я хочу еще добавить о выразительности черного цвета. На последнем портрете Холстомера два черных пятна почти одинаковой величины. Огромный черный глаз загнанной лошади, тоскующий, живой. И позади, в стене дома, зияющая пустота окна. Здесь черный цвет мертвый, холодный, как бездушие тех, кто искалечил Холстомера.

Андрюша Репрев, «Хаджи Мурат» и два полководца

Обилие красок, по мнению Андрюши, отвлекло бы внимание от главной, глубокой мысли, драматической темы, и Андрюша выбрал для «Хаджи Мурата» строгий черный цвет.

Андрюша. Читая «Хаджи Мурата», я стал думать о том, о чем раньше не думал: о жизни и смерти. Как по-разному умирают люди. Солдат Авдеев пассивно. А Хаджи Мурат встречает смерть лицом к лицу. Я полюбил его за силу жизни и мужество.

В предсмертном бою я поставил Хаджи Мурата затылком к зрителю не потому, что не решался нарисовать его лицо. Так видней, что Хаджи Мурат уже падает. А главное, я хотел его глазами в последний раз взглянуть на природу, в которую он уходит.

Мысль о жизни и смерти, о мужестве повели Андрюшу по страницам «Войны и мира» — к образам Кутузова и Наполеона. Он написал портреты двух полководцев перед решающей битвой. Мрачен Наполеон, поставивший на карту свою личную судьбу, славу, корону. Хотя за ним огни бивуаков, но ему одиноко и тревожно на этой чужой непонятной земле.

И светел Кутузов на фоне золотистых бревен крестьянской избы. «Русский цвет» — как сказал Андрюша. Ответственность за судьбу страны и миллионов людей, которая легла на плечи старого мудрого фельдмаршала, придала ему особую величавость... Он непоколебимо верит в непобедимость России, в свой народ.

Галя Бабицкая и Пьер Безухов

Любимый цвет Гали — зеленый и если в акварелях к «Войне и миру» его вытеснил красный, то потому, что, как говорит Галя, «у меня все пошло от пламени». Самым ярким зрительным образом стало для Гали пламя московского пожара.

Галя не выписывает ни лиц, ни рук, ни ног — одни силуэты. Она хочет передать, пожалуй, самое для художника трудное — движение народных масс. По московской площади, залитой алым заревом, движется людской поток. Огненное народное море, трагически взбаламученное войной. Московский пожар 1812 года был набатом, который поднял на отпор иноземному нашествию весь русский народ.

Пламя бушует и на другом рисунке Гали. Но здесь его отблески падают на лицо человека, написанного в полный рост: Пьер Безухов несет на руках потерявшуюся во время пожара девочку.

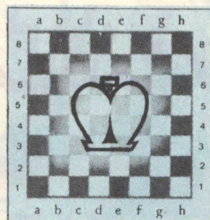
Галя. Наш руководитель Юрий Савельевич, посмотрев на мой рисунок, сказал: «А не кажется ли тебе, что у твоего Пьера походка Андрея Болконского?» Я посмотрела, подумала и поняла, что он прав. Пьер не считает себя героем, он даже смущен тем, что сделал, он должен ступать неуклюже, растерянно. И я переделала ноги Пьеру.

Всего несколько штрихов, но изменилась походка, а значит, изменился и сам образ. Нельзя шагать с Пьером по горящей Москве, сражаться рядом с Хаджи Муратом, пока каждая деталь не станет тебе зрима, пока ты не увидишь ее в своем воображении.

Занятия в студии не только убеждают ребят в могуществе нанесенных на бумагу цветовых пятен и линий. Следуя за пером русских классиков, чьей главной темой была человечность, акварельная кисточка вводит ребят в сложный мир людских отношений, где есть и свет и тень. И это гуманное духовное наследство дает ребятам силы самим отстаивать светлое, чистое, доброе против бездушия, невежества, жестокости и несправедливости.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Новички на Спартакиаде

Впервые Пешкин встретился с Виталюсом Майоровым пять лет назад на соревнованиях клуба «Белая ладья».

Виталюс приехал из маленького литовского города Плунге. Он упорно сражался в каждой партии, искал и находил комбинации, не робел при встрече с более опытными противниками.

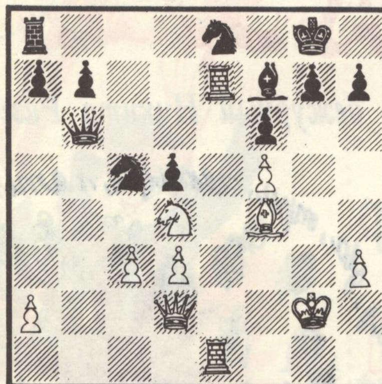
В этом году снова увиделись Пешкин с Виталюсом в Москве, на Спартакиаде народов СССР. Виталюс уже окончил среднюю школу, кандидат в мастера, член сборной Литовской ССР.

Виталюс не подвел свою команду. Он одержал ряд побед и выполнил норму мастера. Пешкину он сказал: «Хорошую закалку дали мне соревнования клуба «Белая ладья», в них я многому научился. От всей души желаю успеха ребятам, сражающимся в турнирах этого клуба».

«Командные соревнования пионерских дружин стали отличной школой для юных шахматистов», — говорит и чемпион мира Анатолий Карпов.

И Флюра Хасанова из города Чирчика, о которой вам тоже рассказывал Пешкин, была участницей Спартакиады. Девять встреч провела она, выступая за сборную команду Узбекистана, и набрала в этих поединках $5^1/_2$ очка.

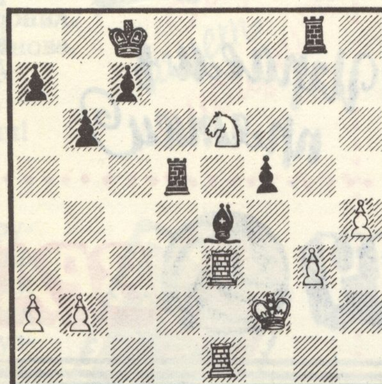
Сейчас посмотрите две позиции из партий **Майорова** и **Хасановой.**

К этому положению пришла партия **В. Майорова** с ленинградским мастером **И. Половодиным.**

Виталюс энергично усиливает давление по открытой линии «е». Последовало: 24. Фd2—е3! Фb6—d8 (красивый вариант возникал в случае 24... Фb2+ 25. Ле1—е2 Ф:с3 26. К b5 и затем решает удар на е8) 25. Фе3—g3 Ла8—с8 26. Сf4—h6 g7—g6 (снова грозил удар на е8) 27. f5 : g6 h7 : g6 28. Кd4—f5 Лс8—с6 29. Сh6—f4 Крg8—f8 30. Фg3—h4. Черные сдались.

А это финал поединка между **Ф. Хасановой** и ленинградской шахматисткой **С. Кручонок.**

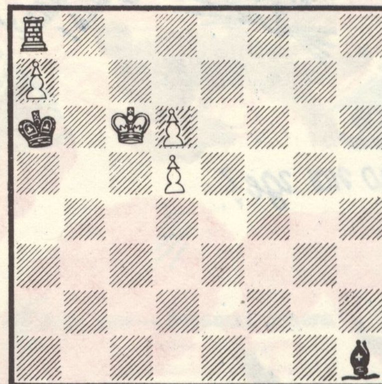

Советуем вам разобрать это поучительное окончание на занятиях вашей школьной секции. События в партии развивались так:

34. Ке6—g5 Лd5—d2 + 35. Ле3—е2 Лg8—d8 36. Кg5 : е4 f5 : е4 37. Ле2 : d2 Лd8 : d2+ 38. Ле1—е2 Лd2—d4 39. Крf2—е3 Лd4—b4 40. Крe3—f4 Крc8—d7 41. b2—b3 Лb4—d4 42. Ле2 : е4 Лd4—d2 43. а2—а4 с7—с5 44. g3—g4 Лd2 — f2 + 45. Крf4 — g5 Лf2—f3 46. h4—h5. Черные сдались.

ЛАДЬЯ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

На следующей диаграмме вы познакомитесь с кругосветным путешествием белой ладьи.

Это задача, в которой мат достигается в четыре хода. Ладья начинает свое путешествие ходом 1. Ла8—h8. На 1... Кра6 : а7 решает 2. Лh8 : h1 Кра7—b8 3. Лh1—а1 Крb8—с8 4. Ла1—а8—мат.

Побывав во всех четырех углах доски, ладья вернулась на свою исходную позицию.

А теперь найдите сами, как должны играть белые после 1. Ла8—h8 Сh1 : d5+? Решается ли задача в этом случае?

Напишите нам о своем мнении. Ждем от вас также писем с сообщениями о школьных турнирах клуба «Белая ладья».

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Помогите барсуку

Над загадкою подумай, потрудись!

Раз, два, три, четыре, пять, я — барсук!

Ежик справа от лисички...

Кто же где?

Играем в прятки

Дуб, береза, ель, сосна,
Лес, поляна, тишина,
Раз, два, три, четыре, пять,
Я, барсук, иду искать!

Кто же прячется? Лиса, еж, заяц, рысь!
Над загадкою подумай, потрудись!
За березой нет ни рыси, ни ежа,
За сосной лисы и рыси не найдешь,
А за дубом осторожно, не дыша,
Не таится и не заяц и не еж.
Нет за елью рыси. Зайца тоже нет!
(Ежик справа от лисички—не забудь!)
Кто же где? Пришли мне правильный ответ.
Дан тебе к отгадке верный точный путь!

Живживка.

ВЗЯЛ ЛИ МЯЧ ВРАТАРЬ ГАНЫ?

	Сыграно встреч	Выиграно	Проиграно	Ничьи	Забито мячей	Пропущено мячей
ГАНА	2			0	1	1
КАМЕРУН	2	2			5	
ТОГО	2				2	

На острове Мимогу

На острове Мимогу
Три племени живут.
Мимоны лгать не могут,
А Мимитики лгут.
Тими — и так и этак,
То истина, то ложь...
Корзиночки из веток
Плели Пик, Ил и Пош.
Они все трое были
Из разных трех племен,
И Пик, взглянув на Ила,
Сказал, что Ил — мимон.
На это Пош ответил:
— Мимон ты сам!
А Ил
Обстругивая ветви,
Двух слов не проронил.
Теперь прочти все снова,
Подумай, не спеши,
И кто же из какого
Был племени — реши!

Капитан Перо ищет помощника

Недавно мы присутствовали на дружеских встречах футбольных команд Ганы, Того и Камеруна. Пинцет, как всегда, составил таблицу. Но заполнил ее не всю. Однако и из нее можно узнать, с каким счетом закончились матчи.

Проанализируйте таблицу и скажите, взял ли вратарь команды Ганы мяч, направленный в его ворота на последней минуте игры центральным нападающим Того?

10 магов

Игры деда Буквоеда

Этот маг — большая телега,

□□□□МАГ□

Этот — конь быстроногого бега,

М□□□А□Г

Этот—придумали люди в Австралии,

□□М□□А□Г

Этот—и джаз, и частушки, и арии,

МАГ□□□□□□□

Этот — прекрасный восточный цветок,

МАГ□□□□□

В этом — различных товаров поток,

□□□□□□МАГ

Именем этого назван пролив,

МАГ□□□□□

Этот—на клумбе, он мал, но красив,

МА□Г□□□□□□

Этим индеец сражался с врагами,

□□МАГ□□□

Этот—но вы догадаетесь сами

□□МАГ□

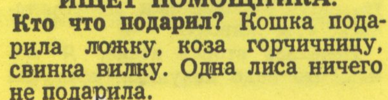
(Если б не этот, вернее, не эта,
Я бы от вас не дождался ответа!)

Дед Буквоед.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10 ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Сколько весит акробат? Столько же, сколько весят два ягненка.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА.

Кто что подарил? Кошка подарила ложку, коза горчичницу, свинка вилку. Одна лиса ничего не подарила.

ПЕРЕ-МЕНКА

По вашим письмам, ребята, мы не раз убеждались, что вы любите не только ходить в кино, но и смотреть кинокартины и спектакли по телевидению. Многих из вас интересует актер театра на Малой Бронной **Лев ДУРОВ**, заслуженный артист РСФСР, знакомый нам по фильмам «Семнадцать мгновений весны», «Вооружен и очень опасен», «Двое в степи», «Странные взрослые»... Ваши вопросы по просьбе «Переменки» задала Льву Константиновичу наш корреспондент Людмила ДУБРОВИЦКАЯ.

Корреспондент. Лев Константинович, вы с детства мечтали о театре?

Дуров. Вовсе нет. Приблизительно до восьмого класса я мечтал стать художником. Очень любил рисовать карикатуры на одноклассников. Наверное, рисунки были добрые, потому что никто не обижался.

Корреспондент. А как же вы все-таки пришли в театр?

Дуров. Самым обычным путем. Сначала — драматический кружок Дома пионеров, затем — школа-студия МХАТа имени Горького. В школе мы ставили спектакль «Два капитана» В. Каверина. И я играл там три роли, в том числе и ночного сторожа, старика с длинной бородой, ходил по сцене с колотушкой. Это очень мне нравилось.

А в студии МХАТа мы играли этюды, этюды, этюды, без единого слова, этюды с воображаемыми предметами... На курсе мы почти сразу образовали дружную троицу: Миша Горюнов, Олег Анофриев и я. И как только педагог спрашивал: «Кто приготовил новый этюд?» — мы трое вскакивали с мест. «Опять вы! Ну давайте!..»

Помню, мы показывали этюд «В окопе» (этюд без слов). В маленьком окопе (среди поваленных стульев) три бойца отражают танковые атаки. Рычать танками мы попросили наших однокурсников. По нашему сюжету пуля поражала меня при первой атаке. И я умирал на глазах своих товарищей. Потом погибал Горюнов. А Олег Анофриев, оставшись один, обвязывался гранатами и бросался под танк.

Вот мы залегли среди стульев. Студенты зарычали. Тут и началось... Мы бабахали гранатами, ухали снарядами. Все получалось у нас здорово. Так здорово, что мне не захотелось умирать. «Какого черта? — думал я.— А почему именно я?» Атака была отбита. Мои сокопники переглянулись: «Ты живой?»

Началась вторая атака. Я понял, что надо получить хотя бы легкое ранение. Схватился за плечо и громко застонал. Ко мне подполз Горюнов: «Ты чего, спятил? Мы же договорились. Умирай». «Умирай сам»,— прошептал я и пополз на боевую позицию. Я продолжал стрелять. И вдруг Анофриев неожиданно заорал: «Пристрели его! Он же мучается!» Горюнов сделал скорбное лицо и выстрелил в меня из указательного пальца: «Пах-пах-пах»!

Я вздрогнул. Делать было нечего, надо было умирать. А они, встав во весь рост и обнявшись, вдруг запели «Раскинулось море широко».

Этюд продолжался целый урок. И преподаватель сказал: «С завтрашнего дня начинаем этюды со словами».

Корреспондент. Лев Константинович, после студии вы работали почти десять лет в Центральном детском театре. Сыграли множество ролей. А какая роль была для вас самой интересной?

Дуров. Да, пожалуй, все одинаково дороги и интересны.

Я уверен, что далеко не каждый актер сможет похвастаться, что он играл огурца. И не какого-нибудь, а молодого огурца. В театральной программе так и стояло:

Молодой огурец — Л. Дуров.

Вместе с художником работали над костюмом. Пришлось подумать и о походке: я должен был быть стройным и крепким, а походка — упругой, быстрой.

А кто из актеров играл тучку? Я играл. И даже летал на семиметровой высоте, повиснув на веревочной лестнице, в фартуке, резиновых сапогах и с лейкой в руках. И добрая волшебница, которую играла В. А. Сперантова, кричала мне снизу:

— Здравствуй, тучка!

А я ей сверху в ответ:

— Здравствуй, мать! Что изволишь приказать?

— Ты листочки поскорей теплым дождиком полей,— отвечала волшебница.

И, полив цветочки из лейки, потанцевав с жучками и букашками, я улетал дальше. А над сценой проплывали огромные голубые шары... Звучал вальс.

Это был очень красивый спектакль «Цветик-семицветик».

Корреспондент. Каждый приглашенный на «Переменку» обычно рассказывает хоть одну смешную историю, случившуюся с ним на сцене или в жизни.

Дуров. Я очень не люблю о них рассказывать. Мне никто не верит, считая, что я все придумал.

Корреспондент. Может быть, вы сделаете исключение для наших читателей?

Дуров. Пожалуйста. Хотя уверен, что результат будет тот же. Однажды я спускался по эскалатору в метро. Передо мной стоял человек с большим фикусом в руках. А еще на ступеньку ниже стояла старушка с корытом. Неожиданно эскалатор на мгновение задержался, как видно, что-то случилось с двигателем, от толчка старушка выронила из рук корыто, а человек с фикусом потерял равновесие, упал в корыто и съехал в нем по эскалатору до самого низа. И человек с фикусом, и старушка, и весь эскалатор дружно смеялись.

Я рассказал об этом в театре. Все тоже смеялись, но считали, что я это здорово придумал. А уже через несколько дней мои знакомые, живущие в разных концах Москвы, рассказывали мне эту же историю и уверяли, что видели все это своими глазами.

Корреспондент. Многие ребята спрашивают: верно ли, что в телевизионном фильме «Странные взрослые» роль девочки Тони играет ваша дочь?

Дуров. Нет, не моя дочь. Тоню играет ленинградская школьница Рита Сергеечева, которую я очень люблю. И она не только на экране, но и в жизни называет меня папой — мы с ней очень подружились.

Фильм снимался несколько лет назад, и с тех пор Рита на каникулы приезжает ко мне в Москву. И в моей семье ее очень любят, и жена и дочь. Каждый приезд Риты для всех нас настоящий праздник.

А в кино Рита — отличный партнер, с ней трудно и любопытно на съемочной площадке. Но о Рите невозможно говорить коротко. Я думаю, читателям «Пионера» было бы интересно встретиться с ней самой на страницах вашего журнала.

Дорогим читателям журнала „Пионер" с наилучшими пожеланиями!
Дуров

ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!

КАНТАТА

Музыка Юрия **ЧИЧКОВА**,
заслуженного деятеля искусств РСФСР,
лауреата премии Ленинского комсомола.

Слова Константина **ИБРЯЕВА**.

СОЛНЕЧНАЯ КЛЯТВА

Вновь становится песня под знамя,
Чтоб в строю пионерском идти.
И опять, как всегда, имя Ленина с нами
И высокая светлая цель — впереди!

Припев: Пионеры всей страны
Делу Ленина верны!
Это — солнечная клятва,
Это — наш девиз крылатый,
Голос сердца и весны!

Мы сегодня пока что на старте
И земных и космических трасс.
Но по чести служить вечной Ленинской правде —
И в труде и в борьбе — мы готовы сейчас!

Припев.

По душе нам орлиные кручи,
Здесь до солнца — рукою подать.
Ведь недаром, друзья, наша Родина учит
Нас по-ленински жить, и мечтать, и дерзать!

Припев.

Продолжение на 64-й странице.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29.08.79.
Подписано к печати 03.10.79. А 07934. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2548. Заказ № 1175.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

БУДЕТ САДОМ ГОРОД МОЙ

В нашем городе, юном и древнем,
Каждый кустик мне дорог и мил.
Здесь мне ветвями машут деревья —
Те, что сам я
в добрый час посадил.

Припев: Пусть и летом и зимой
Будет садом город мой.
Пусть всегда поют в нем птицы,
Подпевая нам с тобой!

Если вьюга за окнами злится,
Я до света встречаю зарю —
Голубям, воробьям и синицам
Крошки солнца,
не скупясь, я дарю.

Припев.

В доброту и сердечность я верю
Вместе с городом щедрым своим.
Ни березку, ни птицу, ни зверя
Мы в обиду
никогда не дадим.

Припев.

ОЛИМПИАДА-80

1980

МОСКВА-80

МОСКВА-80

Оживленно

СТАНЕМ ОЛИМПИЙЦАМИ!

Почему мы бодрые,
Быстрые, умелые?
Потому что поутру
Мы зарядку делаем.
И закалка крепкая
Очень пригодится нам,
Потому что стать хотим
Все мы олимпийцами.

Припев: Ведь недаром тут и там,
Как приятель близкий,
Улыбается всем нам
Мишка олимпийский.
Добежим мы, доплывем
До Олимпиады
И на финише возьмем
Главные награды!

Почему мы дружные,
Почему мы ловкие?
Потому что вдаль идем
По туристской тропке мы.
И закалка крепкая
Очень пригодится нам,
Потому что стать хотим
Все мы олимпийцами.

Припев.

Почему мы сильные,
Почему мы смелые?
Потому что нас зовут
Юными спортсменами.
И закалка крепкая
Очень пригодится нам,
Потому что стать хотим
Все мы олимпийцами!

Припев.

Рисунки
В. КОСТИЦЫНА.

Продолжение на последней обложке.

Оживленно

НАШ ЛАГЕРЬ

В добром царстве лесов и полей
Есть у нас дорогое местечко.
Небо здесь голубей, а трава зеленей
И светлей говорливая речка.

Припев: Встречаем мы песнями тут
Свои кумачовые зорьки,
Тебе отдавая салют,
Наш лагерь, веселый и звонкий!

Здесь на каждом шагу чудеса —
Только смелым и зорким быть нужно.
И всегда, как роса, и светла и чиста
Здесь рожденная юная дружба.

Припев.

Здесь, от шумных проспектов вдали,
Подарили отцы нам на радость
Все богатства земли, все красоты земли
И лучистое зарево радуг.

Припев.

ГОРИ, ЗАРЯ

Когда над нами день встает,
Плечом раздвинув дали,
Мы солнце доброе свое
Друзьям по-братски дарим.

Припев: Гори,
гори,
веселая заря!
Пой песню,
свежий ветер.
Быстрей, быстрей
кружись,
земля,
Цвети
на радость детям!

Когда к нам радость входит в дом,
Искрясь лучом рассветным,
На праздник наш мы в гости ждем
Друзей со всей планеты.

Припев.

Когда мы вместе — мир светлей
И звонче наше счастье.
Сердца и двери для друзей
У нас открыты настежь.

Припев.

Торжественно

Цена 25 коп. Индекс 70694.